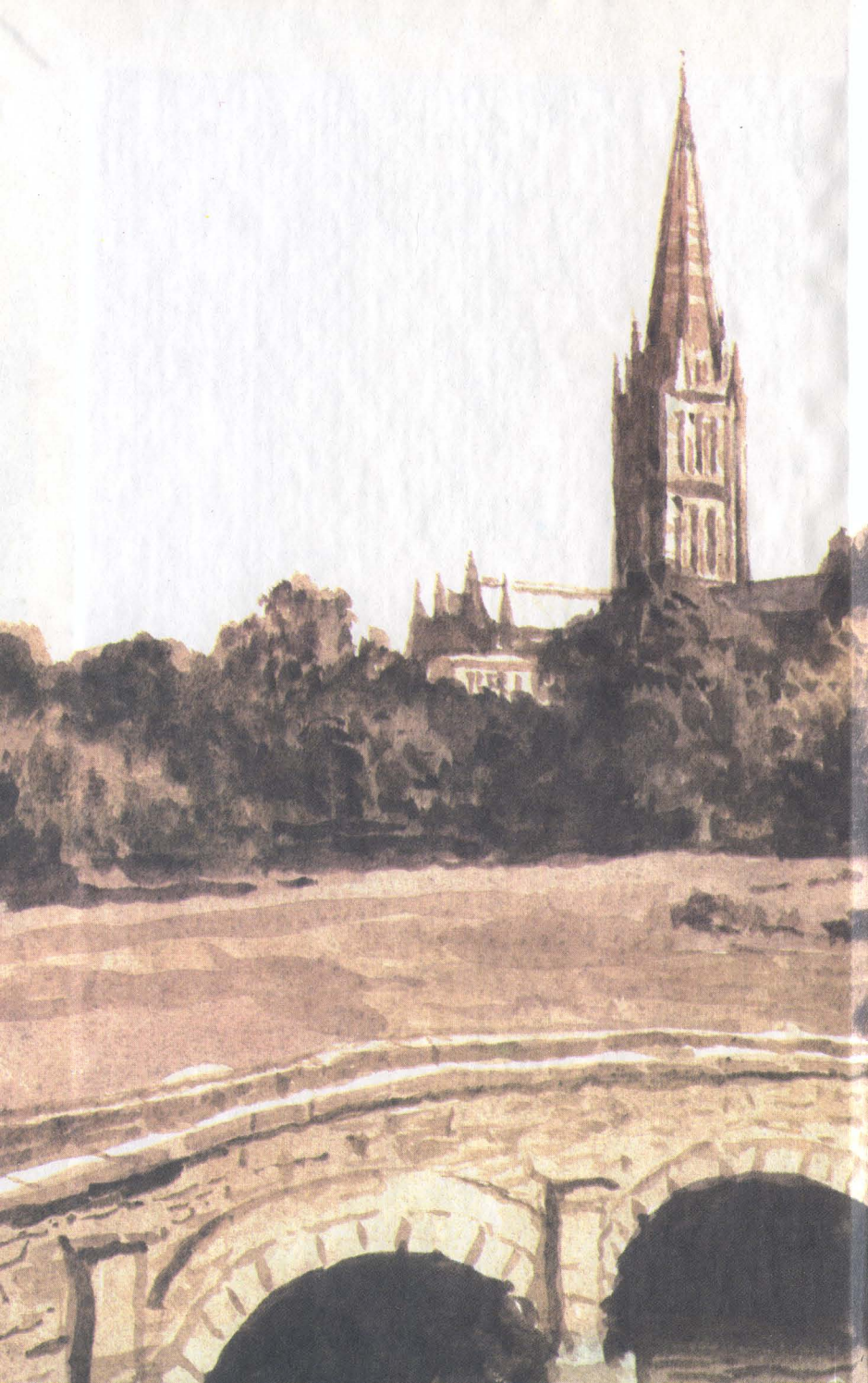
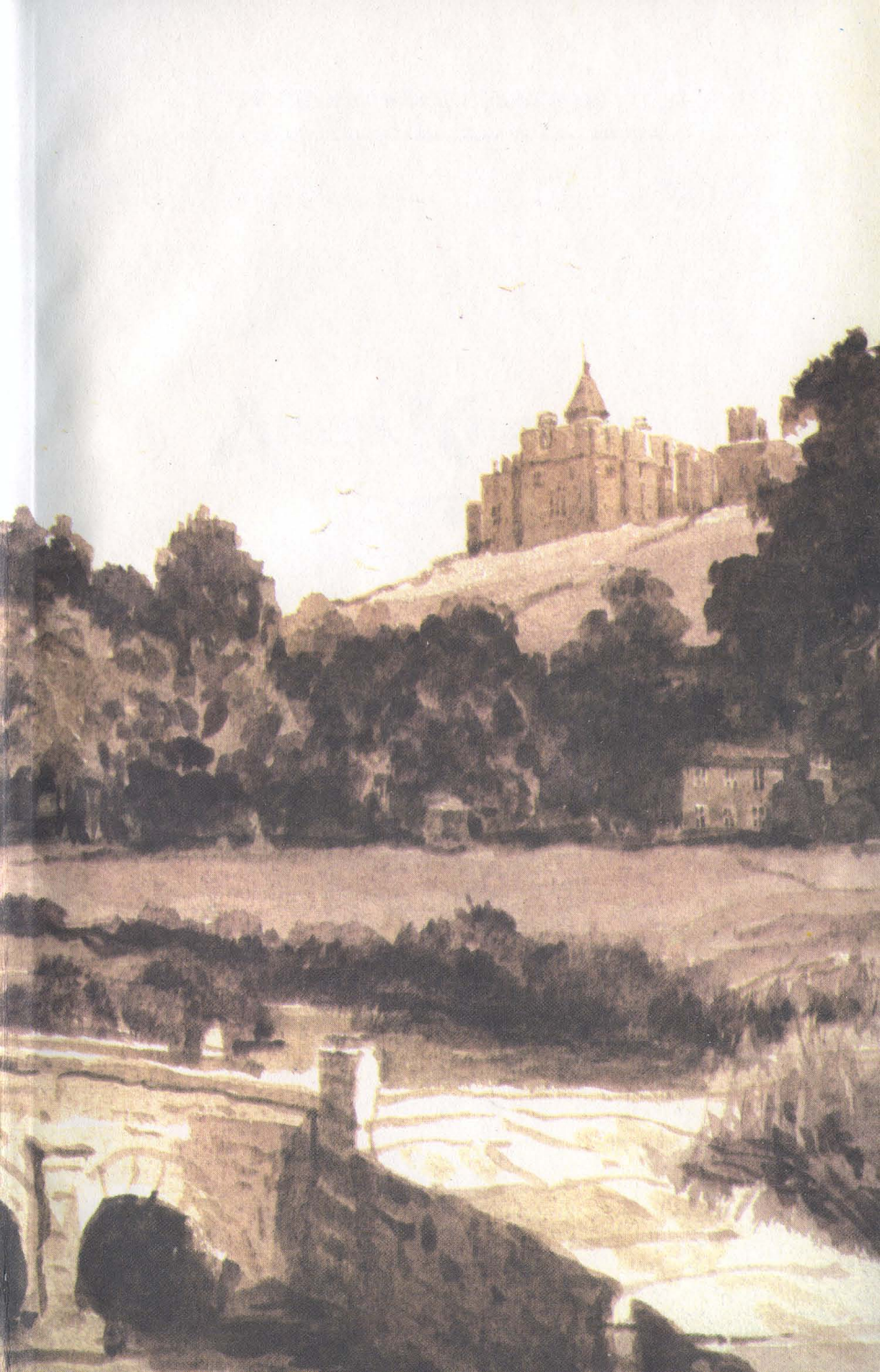

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

Агата Кристи

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2002

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ЖИЗНЬ ДАМЫ АГАТЫ

БИОГРАФИЯ

АГАТА

РОМАН

НЕИЗВЕСТНАЯ КРИСТИ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2002

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление
А. ТИТОВА

Художественное оформление
Г. КЛОДТА, И. ПЧЕЛКО

ISBN 5-93776-026-3 (т.27/2)
ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное оформление, редакция произведений. Издательство «Артикул-принт», 2001

НЕИЗВЕСТНАЯ КРИСТИ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод
М ТУГУШЕВОЙ

© Перевод Тугушева М., 2002

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2002

Глава 17

Многие писатели вырабатывают свои индивидуальные навыки, способствующие успеху литературного труда. Треллоп в «Автобиографии» утверждает: «Ежедневно надо писать столько, сколько можно успеть за три часа». Сомерсет Моэм продлил возможность творить до четырех часов кряду — но ни минутой дольше.

Теперь кое-кто полагает, что при наличии электрической машинки можно значительно удлинить время работы, а пользуясь диктофоном — и подавно.

Что касается Агаты Кристи, то со свойственной ей искренностью и простотой она как-то сказала, что писательский труд очень утомителен: и для мозга, который работает в предельном напряжении, и для спины и пальцев. После перелома запястья, а также из-за перемежающихся острых артритных болей в кистях рук, пальцы у нее потеряли прежнюю гибкость и подвижность. Ей стало трудно печатать даже тремя пальцами — а она всегда так печатала.

Все ее романы на три четверти состоят из диалога — сильная сторона ее творческой манеры. Однажды в письме своему шведскому почитателю, профессору Беру, Кристи заметила: «Надеюсь, вы и впредь не устанете слушать болтовню моих персонажей, и так будет продолжаться еще много лет».

А во время долгой беседы с лордом Сноудоном¹, который, фотографируя ее, провел целый день в Уоллингфорде, Агата Кристи подтвердила, что ее книги скорее принадлежат традиции устного творчества, чем литературной.

---

¹ Лорд Сноудон — известный высокопрофессиональный «великосветский» фотограф, некогда муж принцессы Маргарет

Гуляя, она проговаривала вслух диалоги между персонажами романа, которые фактически становились для нее людьми ее окружения. Она развивала характеры, сначала мысленно, потом — на слух, чтобы в конце концов заключить их в рамки литературных образов. При этом Кристи наделяла свои персонажи большой свободой речи, не заботясь об ее формальном литературном блеске и утонченности выражений.

С течением времени Кавалерственная Дама Агата устала отвечать на неизменный вопрос: «Вы, очевидно, заимствуете ваши образы из реальной жизни?» — «Нет, не заимствую, — возражала она. — Я их выдумываю. Они — моя собственность. Они делают то, что я хочу. Они такие, какими я их создаю, они живые с моего соизволения. У них иногда возникают собственные мысли, но они реальные люди настолько, насколько это угодно мне».

В беседе со мной профессор Бер подчеркнул, что то, о чем говорят персонажи Кристи, может вводить в заблуждение, быть неправдой, но они всегда говорят убедительно и так, словно ничего другого сказать не могут, и писателю (рассказчику) остается лишь внимательно прислушиваться к разговору и воспроизводить его на машинке. Бер вспоминал, что, как рассказывала ему Агата Кристи, из-за сломанного запястья ей однажды пришлось диктовать текст секретарше и она вдруг поняла, что диалоги ее воображаемых созданий угрожают сильно увеличить объем романа по сравнению с раз и навсегда определенным ею количеством страниц.

Профессор Бер, ныне получивший почетную докторскую степень, до своей отставки преподавал английскую литературу в Стокгольмском университете, а через тринадцать лет возглавил кафедру имени Эндрю Карнеги в Гетеборге. Профессор принадлежит к прославленной когорте смельчаков, прочитавших все написанное Агатой Кристи. Его главный труд «Исследование творчества Агаты Кристи», опубликованный в сборнике «Научные труды по изучению проблем английской литературы», вышедшем в Гетеборге (1967), основан на скрупулезном прочтении шестидесяти томов ее произведений. Как известно, они включают пятьдесят восемь романов и девять рассказов. Профессор Бер установил частоту употребления одних и тех же слов в этих пятидесяти восьми томах, общий словарный запас которых — 4 200 000 единиц.

У Агаты Кристи не было чрезмерных литературных амбиций. Как все профессиональные литераторы, она, ра-

зумеется, стремилась заработать на своих произведениях и в этом смысле пребывала в почетной компании. Ведь это доктор Джонсон когда-то сказал: «Кроме дураков — все всегда писали и пишут ради денег». Если бы не их заманчивый блеск, мы бы недосчитались сейчас многих произведений Чарльза Диккенса и Бернарда Шоу. Деньги — здоровый побудительный мотив к творчеству.

К достоинствам Агаты Кристи как писателя относится также и то, что она никогда не стремилась вырабатывать какой-то особый литературный стиль. Ее также никогда не влекли подробные и цветистые описания окружающей среды и природы. Для ее манеры повествования характерна естественность собственной речи. Недаром профессор Бер сказал: «Когда я читаю ее книги, у меня возникает приятное, почти ностальгическое ощущение того, что я слышу простой, непринужденный разговор обыкновенных людей, которых мне доводилось встречать в английских домах во времена моей оксфордской юности. Мои ученые коллеги в Англии разговаривают другим языком. Для вас все это не очень интересно, потому что, как прирожденная англичанка, вы бессознательно и сразу различаете эти два типа речи, но для иностранцев, говорящих по-английски, и вообще для лингвистов это различие важно».

А еще Агата Кристи, говоря о своем творчестве, как-то сказала: «Писательский труд — замечательная штука еще и потому, что заниматься им можно где угодно. Все, что для этого требуется, — стул, стол, пишущая машинка и немного тишины и спокойствия».

В расцвете своих творческих сил, когда ей было достаточно шести недель для написания романа, она затворялась в четырех стенах, чтобы ничто не отвлекало от дела.

«Мне приходилось проявлять твердость в отношениях с окружающими людьми. Я очень ясно давала понять, что моя брэнная оболочка перестает существовать, когда в непосредственной близости от меня живут, дышат и даже говорят те, кого вызывает к жизни моя духовная субстанция».

Такой профессиональный подход к писательскому труду помогает понять, почему, вплоть до своего восьмидесятого дня рождения, Агата Кристи сохраняла стабильную творческую продуктивность. Где бы она в то время ни находилась: в Багдаде, Брайтоне или Банффе, — она выдавала на гора «новый роман Кристи к Рождеству», и эти слова в издательском мире звучали как ежегодный зов трубы архангела.

Желая закончить роман в декабре, она работала всю зиму, чтобы в марте передать его издателям. Аккуратно выполнив эту задачу, она незамедлительно начинала обдумывать очередную книгу, составляла ее план, но не прилагивалась к машинке в последующие пять-шесть месяцев.

Что бы критически настроенные читатели ни порицали в романах Агаты Кристи, они не могли упрекнуть ее в отсутствии изобретательности и замечательного умения развить сюжет, но именно эти достоинства и позволили Кристи возглавлять список бестселлеров во все годы ее творческой деятельности.

Следует упомянуть также в ряду ее достоинств невероятную точность в описании любой, даже мельчайшей, подробности. В то время как Дороти Л. Сойерс совершенно неправдоподобно изображала слуг, Агата Кристи никак не могла ошибиться в таком случае, потому что досконально знала все тонкости домоводства.

Обсуждая с лордом Сноудоном особенности своего литературного творчества, она рассказывала: «Когда в голове у вас только-только возникает замысел романа, самое лучшее — отправиться куда-нибудь на долгую прогулку. Идея моей первой книги, «Таинственное происшествие в «Стайлз», пришла ко мне, когда я, взяв двухнедельный отпуск из госпиталя в Торки, гуляла по дорогам Дартмура. Конечно, я долго обдумывала сюжет. Моя сестра неоднократно мне говорила: «Ты кажешься настоящей идиоткой, когда идешь по улице и разговариваешь сама с собой». А я отвечала, что мы очень часто забываем, о чем думаем, если не выскажем свои мысли вслух».

На протяжении всей жизни она именно таким образом складывала мысленно, а потом проговаривала свои сюжеты. Летом, если погода была хорошая, она обычно выходила в сад с блокнотом в руке. Уже через несколько недель таких прогулок он обычно наполовину заполнялся: то были тщательно продуманные ходы сюжета, иногда и схема его развития, напоминающая о главной цели повествования. Только закончив подготовку и тщательно разработав все сложные повороты действия, Агата Кристи приступала к тому, что называла «ужасной писаниной».

Наглядный пример того, как она работала над произведением, привел Питер Сондерс.

Однажды он спросил у Агаты Кристи, как подвигается ее работа над новой пьесой.

— Да я ее уже закончила, — отвечала она.

Тогда он захотел узнать, нельзя ли взглянуть на текст, но Кристи беспечно пояснила:

— Я закончила ее в уме, но мне еще надо перенести все на бумагу.

По большей части Кристи печатала на машинке в серые дождливые дни. «Работать необходимо только в доме, — говорила она. — Один вид цветов и деревьев вызывает у меня, как у школьника, желание сбежать с уроков. Ведь это стыдно — задаром тратить погожие дни. Когда все цветет, я предпочитаю накапливать творческую энергию».

Агата Кристи всегда была пряма и правдива, говоря о себе. Она не боялась сказать, например, что самое большое удовольствие для нее — «сидеть на солнце задрав ноги».

Она утверждала, что в течение почти всей литературной деятельности никогда заранее не рассказывала о своем романе. Ее преследовало ощущение, что если рассказать, то его сила и все достоинства каким-то непостижимым образом испарятся.

Между прочим, Дизраэли однажды заметил, что «писатель, толкующий о своих произведениях, так же несносен, как мать, которая рассказывает о своих детях». Агата Кристи считала, что, говоря о своей будущей книге, сразу начинаешь испытывать в ней разочарование.

«Впоследствии я иногда проверяла впечатление от романа на одном-двух слушателях, чтобы в случае чего воспользоваться их советом. И я никогда ничего не могла утаить от дочери — она всегда догадывалась, чем кончится».

В более позднюю пору творчества Кристи изменила своему обыкновению и признавала, что часто рассказывает о перипетиях романа мужу, сэру Максу Мэллоуэну, который и сам является неплохим писателем. До женитьбы он никогда не читал детективов, но после свадьбы Кристи удалось склонить его читать все, что она пишет. Сама она с удовольствием читала романы других мастеров детектива. Ей было свойственно также перечитывать кое-что из собственных, наиболее любимых ею произведений.

Но (повторюсь) одно несомненно... Дама Агата, и только она сама вершила судьбы своих героев и определяла мельчайшие подробности их быта и поведения, например, то, что Пуаро подадут на ужин в данный вечер и в данной обстановке. И как раз эта часть работы доставляла ей чрезвычайное удовольствие.

«Ты ничего не можешь, пока не проработаешь характеры досконально, пока не почувствуешь, что они для тебя живые люди. Я расхаживаю по своему саду вместе с ними, разговариваю с мисс Марпл, со священником и другими персонажами. Возможно, у мисс Марпл не все ладится в ее собственном саду, наступции не взошли как положено. И вот таким образом начинаешь ощущать развитие действия, чувствуешь, что сюжет движется в нужном направлении. Процесс творчества уже не кажется недоступным. Наступает тот самый момент, когда надо садиться за машинку или диктовать. Мозг предельно концентрируется на работе, и от этого, конечно, устаешь. Словно пишешь кому-нибудь длинное письмо. Ты рьяно разрабатываешь свою творческую жилу и, завершив дело, чувствуешь такую же усталость, как садовник, вскопавший грядки для горошка или еще чего-нибудь, когда он мечтает лишь добраться домой, потому что все тело ноет от усталости».

Иногда, чтобы мысленно развить сюжет, она использовала другой рабочий прием, занималась какой-нибудь трудоемкой домашней работой, например, стирала, тем самым позволяя мыслям бродить на свободе.

«И нужная мысль неожиданно прыгает тебе в голову, как чертик из табакерки. Это — приятная часть работы. Мысль тебе нравится, и остается только упорно проводить ее через весь роман».

А некоторые, самые удачные, идеи приходили ей в голову, когда она нежилась в ванне.

«Они словно грезились мне, когда я принимала ванну, одновременно ела яблоки и пила, чашками, чай, а рядом, на полочке, лежали четвертушки бумаги и карандаши».

К сожалению, современные ванны делаются без учета писательских причуд. Тех, старомодных, с удобными деревянными поручнями и лесенками — лучших ванн на свете, — больше не делают, современные — это абсолютный модерн, но в них так легко поскользнуться.

В 1962 году, когда Кристи была еще весьма плодовитым автором, в беседе с Сесилом Уилсоном из «Дейли мейл» она доверительно поведала, что в детективном романе чрезвычайно трудно связать воедино все разрозненные нити действия в последней главе.

«К тому времени как роман подходит к концу, вам уже осточертели все персонажи».

При жизни Дама Агата Кристи желала, чтобы ее личная жизнь оставалась неизвестной для публики. И в соответ-

ствии с пожеланием ее семьи таковой она должна оставаться и после ее смерти. Сэр Макс Мэллоуэн несколько раз отказывал мне в беседе, пока между нами не была достигнута договоренность о встрече с помощью сэра Патрика Рэйли, который тоже, как сэр Макс, является почетным членом совета Колледжа всех святых в Оксфорде. По этой причине сэр Макс Мэллоуэн совершенно ясно дал мне понять, что согласился встретиться со мной исключительно благодаря этому посредничеству. Сэр Макс тогда работал над автобиографией и так был занят, что я получила приглашение на чай, который должен был состояться только через два месяца.

Я приехала в «Винтербрук-хауз» в холодный и ветреный ноябрьский день. Хотя Дама Агата прожила в этом большом доме за длинной кирпичной стеной, что стоит на дороге в Чолси, больше сорока лет, мало кто знал, где находится место ее жительства, и еще меньше было тех, кто когда-либо с ней здесь встречался. Ее соседка, миссис Э. Уилер, прожившая рядом тоже свыше сорока лет, видела Агату Кристи довольно редко, так как сначала Кристи очень много времени проводила за границей, а в последние годы жизни не выходила из дому. Построенный в георгианском стиле «Винтербрук», с его двадцатью акрами зеленых лужаек и цветов, окружен задумчивыми тисами. Обширные угодья сбегают вниз к Темзе.

Я прибыла в «Винтербрук» точно к 4.30 вечера. Миссис Хонибоун, многолетняя секретарша Дамы Агаты, а потом — помощница сэра Макса Мэллоуэна, провела меня в гостиную, где все дышало прошлым. В этой комнате с ее в высшей степени упорядоченным беспорядком, чувствовалось Ее присутствие. Здесь стояли удобная длинная софа и стулья с выгнутыми спинками, обитые тисненой шелковой тканью бледно-розового, как цветы магнолии, оттенка. Каминная полка была тесно уставлена безделушками — фарфоровые птички и шкатулочки, — здесь же красовались расписные вазы. По обоим концам полки возвышались канделябры, а между ними висело овальное зеркало в белой раме с гирляндой цветов из дрезденского фарфора. Софа была задрапирована вышитыми по канве декоративными покрывалами. Одно, в стиле Брака¹, изображало летящих птиц, на другом пестрел квадрат в окружении цветочного

---

¹ Брак Жорж (1882—1963) — французский художник, представитель кубизма в живописи.

орнамента. У камина, под стеклянным колпаком, стоял букет из засушенных цветов в викторианском вкусе. Деревянный пол был застлан персидским ковром, чьи яркие краски бросались в глаза даже при мягком освещении. Здесь царил дух учености и женского очарования. Это была комната человека, занимавшегося археологическими раскопками, что составляло контраст с общим стилем убранства, но здесь появлялось чувство, что каждый предмет не случаен, что с ним связано воспоминание о каком-то событии или необыкновенной встрече, и вот теперь все эти предметы перемешаны и составляют единое целое в комнате, предназначение которой — доставлять удовольствие людям.

В комнату вошел сэр Макс Мэллоуэн, седой человек с решительным, твердым выражением лица. Я попыталась представить его подающим надежды, розовошеким, но проныцательным молодым человеком, в которого влюбилась полная цветущая дама средних лет, Агата Кристи. Сэр Макс вел на поводке ее собачку по кличке Конфетка, преданно любившую свою хозяйку, но весьма кусачую. Агата Кристи всегда держала собак. Конфетка сделала несколько безуспешных попыток цапнуть меня за лодыжки, отчего мое знакомство с сэром Максом вышло несколько суетливым.

Даже чаепитие, которое организовала миссис Хонибонун, было именно таким, каким я его себе представляла: сэндвичи с огурцом, пышный домашний бисквит с джемом и чай марки «Эрл Грей».

Сэр Макс отклонил мои попытки побеседовать о Кристи как человеке, и мы заговорили о том, как она работала.

«Моя жена начинала писать роман с последней главы. Таким образом она получала возможность собрать все предположения воедино и аккуратно затянуть в один узел все нити действия. Только после этого она принималась за начало романа и прокладывала путь сквозь толщу событий к его завершению», — объяснял сэр Макс.

Затем мы поговорили о том, как она помогала ему во время археологических экспедиций. Эта помощь выражалась не только в самом ее присутствии, но и чисто физически. Агата Кристи была крепкой женщиной. Она также фотографировала находки и работала с фрагментами керамики.

Однажды по этому поводу она сказала: «Вообразите, какой это восторг, когда, стерев пыль и грязь веков, обретаешь вдруг амулет, который носили семь тысяч лет назад», и нельзя не почувствовать, как преданы были оба супруга своим археологическим изысканиям на территории, где нахо-

дились когда-то древние города Ближнего Востока; нельзя не понять их постоянного беспокойства, как бы недостаток средств или политические события в мире не помешали дальнейшим раскопкам, отчего современный мир лишится более глубокого понимания, как протекала жизнь этих древних городов пустыни тысячелетия назад.

Рассказывают, что Дама Агата в течение многих лет оказывала финансовую поддержку экспедиции, но если так, то сама она об этом никогда не говорила.

Сэр Макс рассказал об одном забавном эпизоде, и я мысленно представила, как Хатун, так ее называли арабы, в жгучий зной, при невыносимо ослепительном солнце, стоя у керосинки, взбивает лимонно-ванильное суфле, а весь кухонный персонал, вытаращив глаза от изумления, наблюдает за этим чудом созидания. А когда, нервничая, она уронила яйцо на пол, помощники по кухне решили, что это неотъемлемая часть священнодействия — с таким глубочайшим доверием все относились к поступкам Хатун.

Уже после шести часов сэр Макс проводил меня до дверей и выпустил во тьму холодного вечера. Небо прояснилось и было усеяно звездами. Конфетка угрожающе заворчала у его ног, и сэр Макс поспешно махнул мне рукой на прощанье. Это была в высшей степени приятная встреча.

Можно подумать, что с таким регулярным доходом от продажи книг и поистине всемирной читательской аудиторией Агата Кристи была недостижима для невзгод и неприятностей, от которых страдает большинство писателей. Однако она никогда не стеснялась говорить о своих трудностях на этот счет.

«Когда пишешь, то очень устаешь. Уже на середине работы вдруг начинаешь ощущать, что книга совсем не так хороша, как казалось раньше. Возникает потребность перечитать все уже написанное, чтобы найти возможное слабое место. Ты прекрасно знаешь, в каком направлении должно развиваться действие дальше, но когда оно уже почти достигло конечной цели, ты опять возвращаешься, как на Паддингтонский вокзал, и опять начинаешь тешить себя мыслями о конечном пункте предстоящего пути».

В честь ее восьмидесятилетия Уильям Коллинз преподнес ей диктофон. В то время как большинство людей начало бы жаловаться, что сложно овладеть новой техникой на девятом десятке жизни, Агата Кристи усердно принялась осваивать принцип его действия и была весьма довольна результатом.

«Должна сказать, что после перелома запястья, когда я начала использовать диктовальную машинку, мне доставляет удовольствие наговаривать диалоги в книгах», — однажды подытожила она свои впечатления в словах, которые больше подходят начинающей инженеру, чем умудренной творческим опытом знаменитой старой даме.

Все романы Агаты Кристи, опубликованные под псевдонимом «Мэри Уэстмакотт», были написаны гораздо быстрее, чем детективные произведения. Она объясняла этот факт тем, что первые для нее были чем-то вроде внеочередной работы в праздники, которую надо быстро закончить, так как необходимо заняться в будни основной. Именно тогда она подпала под обаяние творчества Т.С. Элиота и с увлечением заимствовала у него названия для своих романов, например, «Роза и тис».

Агата Кристи резко возражала против вопросов о ее личной жизни, но всегда была щедрой по части рекомендаций всем, кто из серьезных побуждений желал знать об особенностях ее творчества, и охотно делилась советами, которыми одарил ее в далеком прошлом Иден Филпотс:

«Если Вы действительно хотите сочинять, то необходимо решить, какой стиль Вам предпочтителен, и затем читать книги, выдержанные в этом стиле. Вам придется смириться с тем, что многие издатели и редакторы будут возвращать Вам Ваши сочинения и журнальные статьи, а это весьма удручает. И надо помнить: все в жизни — наполовину тяжкий труд, наполовину — удача, причем удача — очень важное слабое место успеха».

«Люди думают, что мне, должно быть, легко дается писательский труд. Нет, убийственно тяжело. У меня нет ни одной книги, которую я с отвращением не бросила бы еще на середине. Я никогда особенно не верила в свое литературное призвание. Меня всегда преследует мысль, а вдруг люди поймут, что, в сущности, я не умею писать».

Подобные признания не отличаются особой глубиной мысли, но в них много здравого смысла. Любопытно отметить также, что столь широко прославленная, опытная писательница была достаточно скромна и способна признать в тех же мучительных сомнениях, которые булбуруют почти каждого, кто занимается литературным трудом.

Даже в выборе имен для своих персонажей Агата Кристи следовала собственным определенным правилам, и этот выбор всегда был тщательно продуман. Можно с уверен-

ностью сказать, что она не с потолка взяла такие имена, как миссис Посселтуэйт, генерал Арлингтон, полковник Ласкомб, викарий Числхэмптон, Филип Ломбард, Эмили Брент, Энни Беддингфилд.

Когда она обсуждала с писателем Эрнестом Далли имена своих персонажей для очередного романа, он предложил имя «Рэймонд» и сказал, что представляет себе при этом «худощавого, смугловатого молодого человека, довольно похожего на иностранца, брюнета». Она перебила его: «Нет-нет-нет, имя «Рэймонд», по-моему, подходит только очень светловолосому блондину, совсем не смуглому и не похожему на иностранца».

Агата Кристи интуитивно опережала многих людей искусства, давая своим персонажам имена, к которым привыкаешь не сразу из-за их необычности, но со временем они именно поэтому прочно укореняются в сознании читателя. Этот технический прием используется в американских серийных детективных телефильмах, например, фамилии Старский, Хатч, Кожак и Коломбо. Однако вряд ли Дама Агата всерьез задумывалась над тем, что вносит какие-то технические новшества, ее скорее можно назвать в данном случае одаренным дилетантом. По крайней мере, она любила производить именно такое впечатление и, возможно, это была просто уловка, к которой она прибегала, чтобы замаскировать свою профессиональную проницательность.

Почему Агата Кристи продолжала сочинять до тех пор, пока число всех написанных ею произведений не достигло девяноста четырех? Вряд ли это можно объяснить финансовым расчетом, так как она никогда не относилась к бедствующим писателям, отчаянно стремящимся просто зарабатывать. Когда в 1926 году умерла ее мать, миссис Миллер, то, несмотря на довольно стесненные обстоятельства, она оставила дочери Агате не только семейный особняк «Эшфилд», но состояние общей стоимостью в 13 527 фунтов 16 шиллингов и 8 пенсов, что в те времена являлось довольно солидной суммой.

Все объясняется проще. Агата Кристи всегда тратила свои деньги на покупку и обустройство новых домов, и писательский труд стал для нее привычным образом жизни и источником дохода, хотя публично она этого и не признавала. Когда ее однажды спросили, может ли она перестать сочинять, она солидно объяснила: «Если бы я выигрывала все ставки на футбольных матчах и могла бы платить тем самым все свои подоходные налоги, то — да, я бы, конеч-

но, смогла бросить сочинительство. Ведь оно не самый приятный вид труда. Слишком сильно напрягаешься умственно и вечерами испытываешь такое чувство, что сейчас умрешь от усталости. Если работа успешна, то ощущаешь просто опустошенность, а если нет, то портится настроение. Мы с мужем всегда стараемся работать в разных концах дома, чтобы отделаться поскорее и завить, если надо, горе веревочкой».

Рассказывают, и я склонна этому верить: когда в 1970 году Даме Агате исполнилось уже восемьдесят, возникло предположение, что она не сможет выдать очередной рождественский детектив в срок. Ее издатель, а именно Коллинз, тактично предложил ей, что, если у нее не получится сдать рукопись вовремя, то он на Рождество опубликует роман Найо Марш.

Через две недели Кристи закончила роман и вручила его издателю.

Сомерсет Моэм предсказывал, что в близком будущем криминальный роман (так он называл детективы) станет предметом изучения в колледжах и университетах по всему свету и что «честолюбивые соискатели докторских степеней будут бороздить океаны и торчать в крупнейших библиотеках, чтобы самолично исследовать биографии мастеров этого жанра и источники их творчества».

Агате Кристи несомненно принадлежит первое место в способности гипнотически увлечь читателя, раскручивая нить повествования. Как обезоруживающе заявил профессор Бер: «Должен сразу же признаться, что я не выбрал бы произведения Агаты Кристи как материал для лингвистического анализа, если бы в последние несколько лет не посвящал значительную часть досуга чтению ее романов, доставляющих удовольствие и возможность позабыть о неприятностях».

Профессор Бер не только изучал сочинения Агаты Кристи, но и провел сравнительный анализ между ее романами и wybranными наудачу произведениями П. Дж. Вудхауса, Сомерсета Моэма, Джеймса Джойса, Джойса Кэри и Энгуса Уилсона.

Хотя сейчас ему за восемьдесят, профессор Бер хорошо помнит тот день, когда Дама Агата пригласила его с женой на чаепитие в дом 48, Суон-корт, неподалеку от Кингс-роуд в Челси.

Их провели в гостиную довольно скупо обставленную. Там были старые бюро, стол, софа с весьма потертой обив-

кой и выпирающими пружинами, столик у камина с букетом сухих цветов под стеклянным колпаком, что напонило ему о комнате двух сестер, персонажей одного романа Кристи. Атмосфера была соответствующая, вдохновляющая.

Шведской паре предложили на выбор чай или кофе, и они предпочли последний, так как в гостинице, где они остановились, кофе был невкусный. Не без усилий Дама Агата восстала из недр софы, но когда миссис Бер предложила ей помочь, отказалась со словами: «Мне это полезно». Затем она исчезла в смежной с гостиной кухне, закрыв за собой дверь. Через некоторое время она снова появилась с кофе, сэндвичами и пирожными. «Я хорошо помню, что было еще нечто вроде торта, круглого, с чем-то белым сверху, наверное кремом, и от торта надо было отрезать по кусочку. Вкусный оказался, — рассказывал профессор, — кофе тоже был хороший, и первое, что отметила моя жена, когда мы ушли — а ей было очень трудно угодить на этот счет, — «кофе хороший».

Разговор за кофе касался почти исключительно произведений Агаты Кристи и процесса творчества вообще. Она говорила просто, без претензий, без напускного пафоса и многозначительных пауз о том, как придумывает и выстраивает сюжеты и как ей удается разнообразить темы от романа к роману и не повторяться. Она сказала профессору, что, покончив с этой подготовительной работой, садится за машинку и целеустремленно развивает сюжет с помощью диалога. Она отвечала на вопросы профессора прямо, откровенно и точно, без литературных и психологических экскурсов, эксцентрических ужимок и высокопарного суесловия.

«Разговаривая с ней, я должен был держать ухо востро, чтобы стать достойным ее собеседником и не болтать попусту, лишь бы заполнить паузы в разговоре. Сначала я немного нервничал, но, видя перед собой добрую и скромную пожилую даму и то, какое наслаждение наша беседа с ней доставляет моей жене, сидевшей рядом с Королевой детектива, словно это самая обычная, естественная вещь, я постепенно успокоился».

Агата Кристи, между прочим, спросила профессора, как долго, по его мнению, будут читать ее романы после ее смерти.

«Нельзя сказать, что это ей было совершенно безразлично, но мне не пришлось пускаться в ход преувеличенную

вежливость, я искренне отвечал, что не вижу никаких временных границ популярности ее произведений. «Но моды меняются, — ответила она с лукавинкой во взгляде, — вспомните о коленках Шайсты».

В романе Кристи «Кошка на голубятне» Пуаро все время подозревает французскую актрису, и ее выдают пораженные артритом колени, засвидетельствовав ее пожилой возраст.

Выражение лица Агаты Кристи в течение визита, длившегося целый час, оставалось почти неизменным. Как заметил профессор Бер: «Она определенно умела хорошо владеть собой и сохранять невозмутимость, как опытный игрок в карты, но иногда эта невозмутимость исчезала, когда она посматривала на мою жену, а Сигне была очень красивая женщина — и Кристи раз или два похлопала ее по спине. Лицо Кристи при этом немного прояснялось и становилось прекрасным. Вот такой я ее запомнил и такой считаю. Судя по фотографиям в газетах, в последние годы жизни она очень изменилась».

Время от времени Кристи экспериментировала с литературными приемами, как, например, в романах «Ночная тьма» (1967) и «Пассажирка до Франкфурта» (1970). Эксперименты были не совсем удачны, но читатели сохраняли автору верность и раскупали эти романы, как всегда, с большим энтузиазмом. Во всяком случае, эти произведения говорят о ее постоянной чуткости к различным тенденциям в жизни общества.

«Меня пугает, что молодежь вовлекается в мир преступлений. Многие годы, описывая бесчестные поступки, я могу только подтвердить известную истину: «честность — лучшая политика». И с каждой своей новой книгой я укрепляюсь в правоте этих слов».

На протяжении всего творчества Дама Агата не только стремилась соотносить события в своих произведениях с современностью, но и следила за тем, чтобы их язык не отличался от того, каким разговаривают англичане в данный период. При этом восьмидесятилетняя Кавалерственная Дама рекомендовала в «Пассажирке до Франкфурта» не употреблять слов «из четырех букв», к которым многие проявляют интерес, если это не такое безобидное слово как, например, «сейф». И даже заявила как-то довольно ядовито: «Не стоит на каждом шагу посылать кого-то в заднюю часть тела, как это делают русские».

Какова наша мисс Марпл?

Нечасто случается, что смерть писателя ознаменовывается броскими заголовками на финансовых страницах газет, однако в случае с Агатой Кристи так оно и было. 19 января 1976 года лондонская «Файнэншиэл таймс» посвятила целую полосу «коммерческим сложностям завещания, оставленного Дамой Агатой Кристи», которые поставили бы в тупик даже Эркюля Пуаро и Джейн Марпл. Заголовок над шестизначной цифрой гласил: «Тайна состояния Кристи».

А 9 мая 1976 года лондонская «Санди таймс» увенчала шестизначную цифру таким заголовком: «Как Дама Агата ловила сразу двух зайцев». Газета назвала Агату Кристи «богачейшим автором, когда-либо существовавшим в Англии», а другая английская газета провозгласила ее «одним из самых богатых писателей всех времен и народов».

Разные издания по-разному указывали сумму, заработанную Агатой Кристи за шестьдесят с лишним лет литературного труда. Они были согласны только в одном, а именно: финансовая стратегия Агаты Кристи была и останется одной из ее величайших тайн. Ее литературный агент заявил корреспонденту «Файнэншиэл таймс»: «Не спрашивайте нас о цифрах. Мы их не знаем».

Однако будет справедливо предположить, что если бы мистер Корк к тому времени располагал определенными данными о величине оставленного ею состояния, он не стал бы их обнародовать. Агата Кристи умела внушить всем, кто был с ней тесно связан деловыми узами и знал все ее финансовые тайны, поистине сверхъестественную преданность. Следует тут же заметить, что все подробности ее финансовых дел были известны только ей, членам ее семьи, консультантам-юристам, ну и, разумеется, налоговому инспектору.

Всю свою долгую жизнь Дама Агата Кристи была так же уклончива и скрытна в отношении финансов, как во всем остальном, касающемся ее личной жизни. Она была дочерью того века и того класса, которые считали чрезвычайно вульгарным откровенно обсуждать персональные темы. Она считала своим долгом только развлекать читателя два-три часа в день с помощью своих персонажей, но предпочитала оставаться для всех загадкой. Ее родственники и муж, равно как консультанты, поверенные и литературные агенты, и после ее смерти ничего не рассказывали об Агате Кристи.

В послевоенное время многие английские писатели и художники стали искать убежища за границей из-за страха перед убийственно жесткими установлениями о подоходном налоге с гонораров. Редко проходит месяц без того, чтобы какой-нибудь обладатель громкого имени не исчез с наших берегов. Однако что касается Дамы Агаты, не тут-то было. Всю жизнь она любила путешествовать по заграницам, особенно Ближнему Востоку, вместе с мужем, но в высшей степени невероятно, что она когда-либо серьезно обдумывала возможность уехать из Англии на постоянное жительство. Несмотря на то что ее отец был американцем, английская природа стала такой же неотъемлемой частью ее жизни, как она сама — частью ее. Девоншир, Оксфордшир и Лондон были местом действия ее произведений, и она непринужденно и свободно перемещалась в этих окрестностях из одного дома в другой в соответствии с временами года и своими настроениями.

Существуют также свидетельства, что ей не требовалось жить за границей из соображений экономии по той простой причине, что много лет назад с безграничной проницательностью она приняла все мыслимые меры предосторожности в целях защиты своего состояния, разумеется, в рамках закона, но используя каждую его возможность, и сам Эркул Пуаро не смог бы управиться с этим делом лучше.

Говорят, что деньги ее нисколько не интересовали и не заботили. Это не так. Они очень заботили ее. Она очень тщательно проверяла все документы и договора, заключаемые с издателями, и всегда указывала на ошибку, какой бы она ни казалась малозначительной.

Личные потребности Агаты Кристи не были экстравагантными для женщины с ее финансовым положением. Единственный в семье «роллс-ройс» был куплен сэром Максом Мэллоуэном за две сотни фунтов, однако его потом продали, поняв, как много он пожирает бензина. В любом случае семейство не могло похвалиться сверкающими лимузинами, беговыми рысаками, драгоценностями или дорогими туалетами. Две сестры, незамужние дeвы Олив и Гвен Робинсон из маленького городка в Дартмуре, графство Девоншир, одно время шили платья для Агаты Кристи, и она рассталась с этими провинциальными портнихами только тогда, когда они слишком состарились, чтобы заниматься шитьем. Дама Агата жила так же, как ее персонажи — с удобствами, но пыль в глаза не пыкала.

Однако она действительно постаралась обеспечить с помощью различных основанных ею трастов и свою семью, и несколько тщательно выбранных ею объектов благотворительности. Она не скрывала, что ей противно платить больше, чем это строго необходимо. Говорят, однажды она высказалась в том духе, что ей обязательно нужно выпустить в год по роману из-за необходимости уплатить все налоги, но она довольно жестко лимитирует свою творческую продуктивность только одной книгой, иначе ей пришлось бы «умножать доходы министерства финансов», взимающего налоги с писательских гонораров и тратящего получаемые суммы на «разные идиотские цели». Однако выпуск по книге в год лишил ее, в сущности, единственной поблажки, предоставляемой английской налоговой службой писателям, а именно возможности распределять уплату подоходного налога на три года.

Агата Кристи не допускала больше никаких промашек по этой части, и, если судить по документации, между нею и налоговым инспектором было достигнуто согласие. В то время как ее доходы от издаваемых книг оценивались в сумму свыше 14 миллионов фунтов, оставленное ею наследство, после всех вычетов, пожертвований и т.п. составило чистыми на момент ее смерти только 106 683 фунтов 91 пенс.

Кроме 10 000 фунтов, завешанных мужу, и довольно скромных сумм, как, например, 1000 фунтов зятю Энтони Хиксу, 500 фунтов золовке, миссис Долорес Мэллоуэн, 3000 фунтов миссис Лили Бетсон, 500 фунтов крестнице Дженифер Оутс из Кембриджа, 150 фунтов садовнику Фрэнку Лэйвину (который впоследствии получил еще пятьдесят по дополнительно составленному завещательному распоряжению), 500 фунтов другому садовнику, престарелому У. Коксу, который еще трудится по хозяйству в Уоллингфорде, и 250 фунтов преданной секретарше, миссис Дафне Хонибоун, основную часть состояния Агата Кристи оставила дочери Розалинде, миссис Энтони Хикс.

Своему литературному агенту и другу Эдмунду Корку Агата Кристи завещала черный бюст Меркурия и «мой комод из Дамаска, инкрустированный перламутром, с инкрустированной же надписью на крышке «Агата Кристи», а постановщик «Мышеловки» Питер Сондерс получил от нее в наследство бюст актрисы миссис Сиддонс и двадцать пять томов энциклопедии «Британский театр». Однако оба эти джентльмена заработали очень большие деньги на произве-

дениях Агаты Кристи при ее жизни и будут их зарабатывать еще долгое время. Учитывая, что гонорар литературного агента составляет 10% от заработка автора, можно полагать, что небольшая фирма мистера Корка получила больше миллиона фунтов стерлингов.

Агата Кристи с бесконечной тщательностью распределяла среди окружавших ее людей то, что на посторонний взгляд может показаться пустячными безделушками, — об этом свидетельствует дополнение к завещанию, сделанное в 1975 году, за несколько месяцев до смерти и спустя четыре года после того, как она поставила подпись под своим основным завещанием. Дополнительным распоряжением она отменила первоначальное намерение завещать кухонную утварь фирмы «Стевенграфс и Танбридж» и каменное изваяние Будды зятю Энтони Хиксу, а также зеленую рыбу венецианского стекла и сувениры, относящиеся к постановке «Мышеловки» — своему внуку.

Неизвестно, какие чувства вызывали у нее изваяние Будды и стеклянная рыба, если она на восемьдесят пятом году жизни отважилась на дополнительные хлопоты и затраты, проявив столь ревностную заботу об их будущей судьбе, и по какой причине она отказалась завещать своему единственному внуку Мэтью Причарду сувениры от «Мышеловки», хотя он был законным владельцем этой пьесы с самого детства, когда бабушка подарила ему авторские права на пьесу и, следовательно, все доходы от нее.

Старикам свойственно проникаться почти параноидальной привязанностью к некоторым предметам, имеющим особую ценность в их глазах, и Агата Кристи, несмотря на свой ясный, холодный, логический ум, не была исключением. Можно только гадать, почему ее посетило внезапное раздражение, и настолько сильное, что она побеспокоилась внести в завещание эти изменения. Но ответ также остается тайной, похороненной в лоне семьи.

За исключением подобных курьезов, завещание Агаты Кристи не представляется сколько-нибудь важным документом. Оно не дает ключа к разгадке тайны, существующей многие десятилетия, — о масштабах ее финансовой мощи. Завещание было, в сущности, средством аккуратно распределить только малые суммы, «мелочь».

Тайной остается не только величина заработков Агаты Кристи, когда она жила и творила, но также и то, как распоряжаются ее посмертными доходами, которые, по всем предположениям, должны быть огромны и, возможно, со-

ставляют сумму большую, чем все гонорары вместе, заработанные ею при жизни.

Копирайт «Мышеловки», которая без спешки, но по-прежнему в добром здравии и без малейшей старческой одышки совершает свой бег по театральным сценам мира, принадлежит внуку Агаты Кристи, Мэтью Причарду. Копирайты романов «Занавес» и «Спящее убийство», последних книг Кристи, опубликованных в Англии фирмой Коллинза, а в Америке — компанией «Додд и Мид», тоже принадлежат семье писательницы. Только аванс американского издания «Занавеса» составил 1 000 000 долларов. Очевидно, этот роман будет самым прибыльным из всех, что произвела так называемая «делающая деньги машина» Кристи. В Соединенном Королевстве и странах Содружества первый тираж «Занавеса» в твердом переплете составил 120 000 экземпляров, и как в Соединенных Штатах, так и в Великобритании он в течение многих месяцев возглавлял список бестселлеров.

Английский издатель романов Кристи, Коллинз, утверждал, что ее книги будут продаваться еще долго после того, как все, кто сейчас работает в его издательской фирме, навеки упокоятся в своих могилах. Обычно только в США в год продается до 5 000 000 экземпляров «криси» в бумажных обложках, и нет никаких оснований ожидать, что этот процесс застопорится, так как раскупаемость ее романов будет и впредь подстегиваться их удачными киноверсиями, а грядущие поколения читателей тоже станут преданными поклонниками Агаты Кристи. Пока авторские права принадлежат семье — на срок 50 лет, — солидные доходы от публикаций и продаж будут ее собственностью еще довольно продолжительное время в XXI веке. Ну и, кроме наследников, очень хорошую прибыль от этих изданий получает Британское министерство финансов.

Книги Агаты Кристи, опубликованные в 20-х годах, не сразу принесли ей финансовый успех, и она не всегда распоряжалась ими с той деловой хваткой, которая стала очевидной в последующие годы. Ее первый роман в смысле прибыли оказался попросту катастрофой, принес всего 26 фунтов — сумма не такая, чтобы изобретать хитроумную стратегию уплаты подоходного налога. Этот роман вышел в 1920 году и назывался «Таинственное происшествие в «Стайлз».

Поверенные в делах Агаты Кристи тоже не очень-то общительны, однако Джон Уоллен, являющийся также одним из партнеров семейной фирмы в Торки, слегка намека-

нул на то, что происходит с потаенными богатствами семейства. «Агата Кристи, — отметил он, — умерла в очень преклонном возрасте, и поэтому у нее было достаточно времени, чтобы распорядиться своим достоянием самым выгодным образом; так она поступила с большей частью копирайтов. Известно, что пьесу «Мышеловка» она подарила своему внуку. Да, нам известно, что все удивляются, узнав, как дешево оценена ее недвижимость, но ведь в течение многих лет у нее были хорошие юристы-консультанты».

В июне 1955 года Агата Кристи последовала одному такому совету и создала компанию с ограниченной ответственностью «Агата Кристи». Эта компания, в сущности, имела возможность распоряжаться всеми ее рукописями, созданными после 1955 года, но не романами и пьесами, изданными раньше. У нее был заключен с компанией пожизненный контракт, по которому она получала жалованье, а также оплачивались все ее расходы. Директорами компании были сама Дама Агата, ее дочь миссис Хикс и неизменный мистер Корк, ее литературный агент.

Однако самыми ощутимыми «депозитами» фирмы были изобретательность Агаты Кристи и ее работоспособность. По сути, она была в одном лице и всадником, и лошадью. Играя две роли одновременно, она весьма преуспевала и в сфере финансов, и в детективном мастерстве.

После определенного момента подоходный налог с коммерческой деятельности частной компании становится гораздо выше, чем в обычных условиях. Такая мера предпринимается для того, чтобы помешать богатым людям перекачивать свои сверхдоходы, подлежащие обложению повышенным налогом, в другие каналы и предотвратить накопление свободных от таксации капиталов. Поэтому Агата Кристи в мае 1968 года предприняла логичный шаг, продав 51% своих акций с общего капитала фирме «Букер Макконнелл». Эта международная фирма стоимостью 25 000 000 фунтов четырьмя годами ранее переменяла профиль деятельности: наряду с продажей рома, сахара, а также продукции машиностроения она занялась, с помощью подсобной фирмы «Букер букс», книжным бизнесом. Первым из писателей, к творчеству которого она обратилась, был Иэн Флеминг, творец Джеймса Бонда, которому она заплатила 100 000 фунтов. Затем она включила в свой список издаваемых авторов Денниса Уитли, Джорджетту Хэйер, Роберта Болта, Хэролда Пинтера, Джона и Пенелопу Мортимер и других. Сколько владельцы «Букер Маккон-

нелл» заплатили за пятьдесят один процент акций компании «Агата Кристи», неизвестно. Им можно было не обнародовать сумму, так как она составляла меньше пяти процентов от стоимости всей собственности фирмы. Однако, надо полагать, сумма значительно превышала 100 000 фунтов, уплаченных Флемингу. Конечно, сделка не распространялась на рукописи Кристи, созданные до 1955 года, но само собой разумелось, что часть ее произведений до этой даты уже перешла в собственность компании «Агата Кристи» и, таким образом, фирма «Букер Макконнелл» после ее смерти станет контролировать издание почти всех ее романов, а также нескольких пьес.

Между 1968 и 1976 годами «Букер Макконнелл» увеличила свою долю акций до 64%. Остальное находилось во владении миссис Хикс — 2% — и любимого, уже весьма щедро обеспеченного внука, владельца 16% акций, а остальные акции были инвестированы в различные семейные и благотворительные трасты. Если эту сделку никак нельзя было назвать невыгодной для Дамы Агаты, то и для «Букера» она была прибыльна, потому что к 1974 году фирма получила чистого дохода 900 199 фунтов. Финансовая пресса обратила внимание на этот момент и, комментируя промежуточные (1968—1974) результаты сделки, которая стремительно повысила цену одной акции «кристи» с 8 до 114 пенсов, озаглавила это событие газетным заголовком «Дама Агата запустила «Букера» на орбиту». Делая отчет (за 1975 год) о делах фирмы «Букер Макконнелл», ее глава сэр Джордж Бишоп сказал, выступая перед акционерами, такие удивительные слова: «Мы очень сожалеем, что Агата Кристи (никаких титулов не существует в бесстрастном и холодном мире цифр) 12 января 1976 года умерла. Наши деловые контакты с ней начались в мае 1968 года, когда мы инвестировали компанию, носящую ее имя и в которой нам сейчас принадлежит 64% акций всего капитала. Она обладала несравненным повествовательным талантом, и ее творческая энергия не изменяла ей до конца дней. Ее последний роман «Занавес» в течение многих недель возглавлял список бестселлеров и здесь, и в Соединенных Штатах. Мало найдется на свете таких писателей, которые доставили бы столько удовольствия своими книгами такому большому числу читателей во всем мире».

Вот чего достигла девочка из Девона, такая закомплексованная, застенчивая, грезящая наяву, но обладающая фамильным умением держать свои чувства при себе. Вот

чего она достигла в конце своей долгой и плодотворной жизни. Ее успех нашел выражение и в безличных цифрах годового отчета главы фирмы наряду с доходами от сделок с ромом и сахаром.

Непонятно и странно, почему в тяготеющем к социализму английском обществе, которое настроено против даровых доходов и желает, чтобы рабочим платили сполна за их труд, законодательство принуждало творческого и бесконечно работающего человека делить плоды единоличных усилий с неизвестными держателями акций, которые из сугубо спекулятивных интересов инвестировали свои капиталы в ром и сахар, тем более если учесть, что первый из этих продуктов никогда, за всю ее долгую жизнь, Агатой Кристи не одобрялся.

Ежегодная прибыль компании «Агата Кристи» по закону должна фиксироваться в «Сомерсет-хаусе», и документация на этот счет доступна каждому, кто озаботится взглянуть на нее. Конечно, из этих документов можно почерпнуть лишь минимум информации, но они дают представление о том, что в последние несколько лет фирма «Букер Макконнелл» увеличила свою долю акций компании «Агата Кристи». Еще 1 января 1973 года она владела 51% акций, с чего и начала свои деловые связи с компанией, однако в течение года за неизвестную сумму выкупила еще 700 акций у доверенных лиц, представляемых мистером Корком, который одновременно передал 1600 акций внуку Агаты Кристи, мистеру Причарду, и 200 акций — миссис Хикс. В 1975 году «доверенные лица» продали фирме «Букер букс» еще 600 акций, так что в настоящее время фирма владеет 6400 акциями, что и составляет 64%. Миссис Хикс принадлежит 201 акция, Причарду — 1600 акций, доверенным лицам — 1798, а остальные держит Эдмунд Корк, как директор компании «Агата Кристи».

Ни Дама Агата Кристи, ни сэр Макс Мэллоуэн именными акциями не обладали, но, вполне возможно, получали доход от траста. Кроме директорских гонораров в сумме 10 000 фунтов, делившихся на шесть человек, компания платила им еще и дивиденды в семьдесят-восемьдесят процентов от этой суммы.

Прибыли возрастали постоянно и стремительно, так что в 1973 году они составили 239 101 фунт в целом, а после уплаты налогов — 125 000. В 1975-м прибыль чрезвычайно подскочила; профит превысил 1 000 000 фунтов, а после

отчисления налогов доход составил 490 000, что, очевидно, объяснялось успехом фильма «Убийство в «Восточном экспрессе». Таким образом, рабочий капитал в 10 000, то есть та часть капитала, которую всегда можно обратить в наличные, возрос до 1 790 000 фунтов, и только доля внука Агаты Кристи должна была составить 286 400 фунтов.

Вопрос тем не менее остается. Каким образом Агата Кристи оплачивала свои счета? Однажды по какому-то поводу незадолго до смерти она сказала: «Я не богатая женщина. Мои доходы ограничены такими условиями, что я имею доступ только к определенной сумме денег». После ее смерти о финансах Агаты Кристи молчат, и, очевидно, потому, что ведутся переговоры о продаже «Букеру» дальнейших пакетов акций и прав на издание ее ранних произведений. Однако еще до появления на деловой сцене «Букера» Агата Кристи заключила в 60-е годы умопомрачительную сделку с «Метро-Голдвин-Майер», продав ей права на телевизионные фильмы по ее романам за фантастическую сумму в 1 000 000 фунтов.

Мистер Лоренс Бахман, тогдашний главный представитель в Европе корпорации «МГМ», утверждал, что это он инициировал сделку. Эдмунд Корк говорил, что на них с Агатой Кристи оказывали давление несколько лет, убеждая продать права на телесериалы по ее произведениям, и что сложные переговоры заняли довольно продолжительное время. Бахман это объяснил тем, что «МГМ» надеялась, купив права, снять несколько сериалов, а также на то, что Агата Кристи «с ее мощным аналитическим умом» поможет в подготовительной работе над сценариями. Но стороны не заключили никаких соглашений относительно будущих произведений Кристи и не разъяснили, как будет оплачиваться ее помощь в «подготовительной работе». Возможно, для «МГМ» эта сделка была не такой дальновидной, как для Агаты Кристи. По телесценариям были поставлены кинофильмы, которые не принесли «МГМ» желанного успеха и, несмотря на участие актрисы Маргарет Розерфорд (в роли мисс Марпл), чрезвычайно не понравились Агате Кристи. Теперь, однако, она сполна компенсировала свои отчаянно неудачные сделки с издателями по ранним произведениям и, наверное, втайне очень радовалась богатому урожаю на склоне лет.

Фильм «Убийство в «Восточном экспрессе»» принес огромные барыши, свыше 20 000 000 фунтов и стал, таким

образом, самым прибыльным из всех фильмов, когда-либо профинансированных английской киноиндустрией, но Кристи при этом заключила соглашение, не позволяющее обнародовать, кому и в каких суммах были выплачены роялти.

Другой фильм, «Убийство на Ниле», последний из уже снятых по ее произведениям, тоже, как ожидается, должен заработать целое состояние. Финансовая империя Кристи кажется безграничной, и, наверное, у ее литературного агента приятно кружится голова, когда его информируют о новых поступлениях из этого загадочного золотого источника.

Приведу несколько цифр за 1976 год, которые могут дать смутное, но многозначительное представление¹ о возможных суммах. Роман «Занавес» принес, как уже говорилось, за права издания в бумажных переплетах американский аванс в 1 000 000 долларов плюс 300 000 за издание в твердом переплете в США и 60 000 фунтов за такое же издание в Соединенном Королевстве. В том же году в США было продано 3 000 000 экземпляров «Восточного экспресса» в бумажной обложке, и роялти составили 300 000 фунтов. Создается впечатление, что единственное место, где «Восточный экспресс» не мчится на всех парах, — это сам Восток. В Соединенном Королевстве книжные магазины продали 2 000 000 экземпляров романа в бумажной обложке за 800 000 фунтов и авторский гонорар составил 70 000.

930 000 фунтов — таков был общий доход Агаты Кристи в 1976-м — год смерти. И в эту сумму еще не включен ни доход за фильм-бестселлер «Убийство в «Восточном экспрессе», ни постоянный ручеек, а вернее — бурный поток авторских гонораров из двадцати восьми стран, где все еще продаются книги Кристи, в частности из Японии, самой пылкой поклонницы ее таланта. Ну можно ли достичь более далеких пределов, если ты родилась в Девоншире и прожила всю жизнь в Оксфордшире и Челси?

В последние годы, когда ее доходы стали грандиозны, Дама Агата так же внимательно относилась к счетам, как в начале 20-х годов, в пору скромных гонораров.

Из гостиницы «Банфф-спрингс», что в Канаде, 26 сентября 1922 года она пишет мистеру Бэзилу Уиллету, клерку книгоиздательской фирмы «Бодли Хед», которая тогда публиковала ее романы. Она благодарит за чек в 47 фунтов 18 шиллингов 10 пенсов, что тогда равнялось 216 долларам, и сразу же по возвращении в «Эшфилд», Торки, сно-

на, 6 декабря, пишет ему и просит выслать ей все расчеты, которые она просила попридержать до ее приезда домой.

И опять она пишет мистеру Уиллету, уже из своей лондонской квартиры в Эддисон Меншинс, пеняя на то, что он указывает продажную цену романа «Тайный противник» в Америке как 7 шиллингов 6 пенсов за экземпляр, а на самом деле книга стоит 1 доллар 75 центов. Значит, если учесть, что курс доллара по отношению к фунту составляет 4.45 доллара, то, если «Бодли Хед» продавала 1258 экземпляров по 1.75 доллара, а это в сумме составляет 2201 доллар 50 центов, то ее гонорар должен быть 49 фунтов 9 шиллингов 5 пенсов. Если вычесть 8% таможенной пошлины в 3 фунта 12 шиллингов 2 пенса, то сумма причитающегося ей гонорара — 45 фунтов 10 шиллингов 3 пенса, а она получила только 43 фунта 8 шиллингов. Разница, таким образом, составляет два фунта, два шиллинга, три пенса, что, конечно, меньше десяти долларов. Да, это очень незначительная разница — соглашается Кристи, — но в нынешние тяжелые времена и она пригодится.

Из своего другого дома, «Стайлз», что в Санингдейле, графство Беркшир, она снова пишет многострадальному мистеру Уиллету, что в расчетах за роман «Пуаро расследует» (1924) допущена ошибка. Хотя ее гонорар должен составить 10% от продажной цены, двадцать экземпляров были проданы по цене 7 шиллингов 6 пенсов за штуку, и она полагает, что в таком случае ей причитается 20% от продажной цены за экземпляр и, значит, получается разница в ее пользу — 1 доллар 50 центов. Никакая мелочь не ускользала от ее тщательной проверки, и так было всегда.

Хотя на характер дочери основополагающее влияние оказывала всю свою жизнь миссис Миллер, уроки арифметики ей давал отец, мистер Миллер, и эти занятия в «Эшфилде» оказались для Агаты не менее важны. Эти уроки оставили неизгладимый след в ее сознании и здоровое уважение к деньгам, которое Агата Кристи испытывала всю жизнь.

Спустя несколько месяцев после смерти Агаты Кристи ее рукописи могли уже представить интерес для коллекционеров, и кто-то из родственников решил выставить рукопись романа «Объявленное убийство» на букинистическую выставку-распродажу книг и манускриптов XIX—XX веков. Это была машинописная копия романа, но там содержалось много добавлений и поправок, сделанных рукой самой Агаты Кристи. За несколько недель до начала торгов рукопись таинственным образом сняли с продажи. Родственники Кристи

уклончиво отвечали на мой вопрос о причинах и пояснили только, что теперешний владелец рукописи решил снять ее с продажи, так как не пожелал с ней расстаться навсегда. Мне кажется, однако, более вероятной другая причина: узнав о предстоящей продаже рукописи, компания «Агата Кристи» заявила о своих правах на нее. И вряд ли хоть один манускрипт Кристи будет выставлен на продажу, так как теперь все ее рукописи являются общей собственностью компании «Агата Кристи».

Рукопись «Объявленного убийства» была бы продана, очевидно, всего за несколько сотен фунтов, но сам факт снятия с торгов свидетельствует о том, как неуклонно семья Агаты Кристи вершит право собственности над всем имуществом писательницы и после ее смерти.

Глава 19

В лондонских пригородах Кенсингтон и Хаммерсмит существует восемнадцать так называемых благотворительных «Харрисоновых домов», где в большом довольстве и комфорте проживают старые леди с ограниченными средствами. Они кажутся персонажами, сошедшими прямо со страниц романов Агаты Кристи, эти бывшие няни, кухарки, горничные, добропорядочные женщины, верой и правдой служившие своим хозяевам лучшую часть своей жизни. В теперешние времена, когда дома становятся меньше, а расходы на их содержание возрастают, многие семьи не в состоянии, а некоторые и не желают содержать старых слуг на закате их дней. И внезапно после пятидесяти-шестидесяти лет службы эти старики оказываются выброшенными за порог, в холодный, жестокий мир. У большинства таких стариков нет ни родственников, ни собственных детей. Они совершенно одиноки и часто беззащитны. Вот эти старые женщины и начинают новую жизнь в удобных и уютных «Харрисоновых домах».

Эти старые женщины обзаводятся собственной мебелью, сами покупают и готовят себе пищу и распоряжаются своей пенсией. Они живут независимо, но подразумевается, что как представители Харрисоновской общины они сохраняют со всеми добрососедские отношения.

Хотя эти дома были основаны в 1869 году, на современную финансовую основу они поставлены только в шестидесятых годах XX века. Именно тогда Дама Агата узна-

ла о них от своей приятельницы мисс Мэри Фишер, которая неполный рабочий день исполняла там секретарские обязанности.

Расположившись в одном из нынешних уютных помещений, достопочтенная леди Сакс, вице-председатель совета «Харрисоновых домов», рассказала мне, как Дама Агата приняла участие в их работе: «Некогда существовала грошовая викторианская благотворительность, которой занимались приятные во всех отношениях кенсингтонские дамы, что летом красовались в боа из перьев, а зимой — в шубках из ондатры, но они имели очень смутное представление о том, как эффективно организовать сбор достаточных средств для этих домов. Всем ведала в викторианские времена мисс Дороти Вебб, дочь архитектора сэра Энтони Вебба, строившего солидные викторианские особняки. Я уверена, что у мисс Дороти сердце находилось на нужном месте, но когда она приезжала в эти дома с инспекцией и пользовалась своим зонтиком как указкой, старые обитательницы домов проникались таким священным трепетом перед ее особой, что не смели искренне отвечать на вопросы.

Вот эту атмосферу мы и захотели переменить. Благодаря научным изысканиям и социальным службам мы, проработав несколько лет, убедились, что главной причиной для переезда в «Харрисоновы дома» являются даже не финансовые затруднения, а скорее — одиночество, неумение обеспечить себе удобства, даже если есть средства, и бессердечные домовладельцы, которые могут превратить жизнь старой женщины в настоящий ад».

Многие месяцы Дама Агата со свойственной ей дошностью и умением вникать в подробности расспрашивала Мэри Фишер о «Харрисоновых домах». Никаких импульсивных порывов! Все делалось очень спокойно и продуманно.

Сначала за дело взялись ее зять, Энтони Хикс, и другие члены семейного траста. «Они в буквальном смысле слова прочесали словно частым гребешком все наши финансовые дела, отчеты, арендные контракты, документы вплоть до 1860-х годов. Сунули нос во все углы, не оставили без внимания ни один лежачий камень», — со вкусом повествовала леди Сакс.

Первая сумма, 10 000 фунтов, была подарена Дамой Агатой в 1965 году, с указанием «использовать деньги на кирпичи, камень и укрепление зданий».

«Деньги Дамы Агаты вдохнули в нас смелость начать строительство нового крыла. Мы вынули прежнюю начинку из пяти домов, поставили лифт, оборудовали клубную комнату, а в здании, где мы с вами находимся, устроили прачечную. А затем стали думать, как кардинально переменить интерьеры комнат, поставив в каждую электрический холодильник и плиту для приготовления пищи.

За несколько последующих лет Дама Агата даровала «Харрисоновым домам» еще 50 000, и это буквально спасло нам жизнь».

Когда перестройка и переоборудование домов было завершено, но не раньше, Дама Агата получила приглашение от Совета «Харрисоновых домов» приехать и самой посмотреть, что сделано на ее деньги.

В первое же посещение ей предложили собственноручно снять покрывало с памятной доски в клубе, увековечившей ее дары «Домам», и официально открыть новое крыло здания.

Агата Кристи внимательнейшим образом осмотрела каждую комнату, отметила, как продуманно спланированы помещения для домашних хозяйственных дел, и особенно поинтересовалась высотой рабочих столов: не приходится ли старым женщинам излишне низко наклоняться.

Хотя в общении с членами Совета Кристи казалась стеснительной, несколько скованной и молчаливой, как только она оказалась в обществе старых женщин, ее манера держаться сразу переменилась. Она прекрасно понимала этих женщин, они были совершенно такие же, с которыми она вела долгие разговоры в своих книгах на протяжении пятидесяти с лишним лет.

«О, у вас проблемы со слухом? Знаете, сейчас появились хорошие аппараты. Вы чувствуете ревматические боли в суставах? А у меня вот здесь болит. Так вы служили в графстве Саффолк! Нет, с лордом Х. я незнакома, но его особняк, конечно же, знаю — очень красивый».

«Она была такой милой и приветливой, она всех обшла, со всеми поговорила. Очень мало кто из этих женщин читал ее книги, но все знали, кто она такая», — вспоминала леди Сакс.

Каждое Рождество специально выбирали кого-нибудь из обитательниц домов, чтобы написать Даме Агате. Никто не вмешивался и не давал советов, что и как писать, но это было приветственное письмо от всех благодарных старых женщин, рассказывающее о новостях. Дама Агата всегда собственноручно отвечала пространными письмами.

Обитательницы «Харрисоновых домов» сильно опечалились, узнав о смерти Дамы Агаты. Одна из них мне сказала: «Знаете, она подарила нам столько прекрасных и полезных вещей. Мы ее никогда не забудем».

Дама Агата тоже никогда не забывала о тяготах и немощах старческого возраста и всегда выражала свое сочувствие практическими делами. Узнав, что одна старая женщина, живущая в ее округе, не может свести концы с концами, Дама Агата распорядилась, чтобы этой женщине из местной лавки каждую неделю (и пожизненно) доставляли бы коробку с бакалейными припасами. Магазин был тот же самый, в котором закупала провизию экономка леди Мэллоуэн. Дама Агата всегда предпочитала пользоваться небольшими семейными магазинами, не любила супермаркеты и ужасно расстроилась, узнав, что ее романы в мягких обложках продаются в больших универмагах.

«А что будет дальше? Скоро мои книги станут продавать в мясных лавках?» — ядовито заметила она однажды.

На протяжении тридцати лет, которые она прожила в Уоллингфорде, мало кто видел лично леди Мэллоуэн. Мэр городка, миссис Пэт Эштон, большая поклонница творчества Дамы Агаты, сказала, узнав о ее смерти: «Я никогда не встречалась с ней лицом к лицу, хотя, мне кажется, она имела обыкновение прогуливаться вдоль реки недалеко отсюда. Она не принимала участия в городских делах, но я сожалею о ее смерти. Уоллингфорд потерял одну из своих знаменитостей, а у нас их здесь немного».

П.-С. Гордон Бартлет прослужил офицером полиции в Уоллингфорде двадцать три года, но видел Агату Кристи только однажды, когда в кирпичную стену, окружавшую ее дом, врезался грузовик. «Я ей тогда, на месте происшествия, сказал, что мой сын восхищается ее романами, и она сочла возможным подписать для него несколько штук. Он просто зашелся от радости», — вспоминал мистер Бартлет.

В библиотеке Уоллингфорда есть почти все книги Агаты Кристи. Миссис Морин Пэйдж, помощница библиотекаря и член городской управы, сказала, что они пользуются в Уоллингфорде очень большим спросом, «но скорее потому, что романы нравятся читателям, а не оттого, что она здесь жила».

Если жителям Уоллингфорда хотелось хоть одним глазком взглянуть на леди Мэллоуэн, а она была больше известна здесь под этим именем, то надежней всего было зака-

зять билеты на Рождественскую пантомиму, представляемую театральной труппой «Синодун». В течение двадцати шести лет Агата Кристи поощряла эту местную любительскую труппу, которая давала три представления в год. Хотя она не могла присутствовать на всех, так как часто уезжала за границу, Дама Агата всегда старалась не пропустить пантомимы, среди которых были такие классические образцы, как «Золушка», «Робинзон Крузо», «Джек — Ячменное зерно», «Синдбад-мореход», «Красная шапочка», «Кот в сапогах», «Белоснежка» и «Аладин». В 1952 году в честь Агаты Кристи, ставшей почетным президентом труппы, «Синодун» поставил спектакль по ее роману «Загадка Эндхауза», преподнес альбом с фотографиями участников и программку, подписанную всеми актерами и техническим персоналом. После каждого спектакля она обычно встречалась с труппой и поздравляла всех с выступлением.

Два года назад «Синодун» решил обрести постоянное место для своей театральной деятельности, потому что до этого «любители» выступали в Масонском Зале. Они попытались собрать сумму, необходимую для покупки исторического здания старой Хлебной Биржи в центре города. Для покупки здания и его переоборудования с целью разместить там театральный зал, фойе, конференц-зал и бар требовалось 35 000 фунтов. Новым зданием могли бы также пользоваться и другие, любительские и гастролирующие, труппы.

Обратились ко всем деловым людям Уоллингфорда, но когда директор труппы «любителей» Джон Этвелл написал Даме Агате, которую до этого труппа никогда не просила о какой-либо помощи, и осведомился, не может ли труппа «рассчитывать на вашу финансовую поддержку», он получил ответ с отказом от сэра Макса Мэллоуэна. Он объяснил, что его жена является членом многих благотворительных трастов, питает особый интерес к домам призрения для стариков и, как бы то ни было, не одобряет планов относительно покупки Хлебной Биржи.

Сэр Макс добавил также, что он сам, одновременно, пытается найти средства для Британского Археологического института, у которого финансовый дефицит в 30 000 фунтов. Стало очевидно, что драматические события шеститысячелетней давности для супругов Мэллоуэн были важнее, чем проблемы местной любительской труппы.

Но возможно и другое объяснение. Как профессиональный литератор, Агата Кристи всю жизнь работала не покладая рук и не считала нужным уделять время и деньги

любителям, то есть людям, занимавшимся делом ради удовольствия.

Однако после смерти Дамы Агаты труппа получила 150 фунтов со специальным указанием использовать ее на новые костюмы для рождественской пантомимы. И Джон Этуэлл убедился, что по крайней мере этот вид театральных усилий труппы Дама Агата одобряла.

В жизни Агаты Кристи всегда важную роль играли дети, о чем свидетельствует менее широкоизвестный Детский траст Агаты Кристи. Он был основан в 1969 году с целью помогать обездоленным детям и детям с физическими недостатками. Траст купил дом в Эбергэвении и оказывает финансовую поддержку Медицинскому исследовательскому фонду при Университетской больнице Уэльса.

Когда в Уэльсе в декабре 1974 года был показан фильм «Убийство в «Восточном экспрессе», на премьере присутствовал Принц Уэльский, Чарльз, и это был первый случай показа фильма в Уэльсе в присутствии члена королевской семьи. Прибыль от демонстрации фильма была разделена между тремя благотворительными обществами: «Детским Фондом Агаты Кристи», «Национальным Обществом Благотворительной Рекламы» и «Клубом «Вэрайэти» Великобритании», которые, благодаря своей деятельности, имеют крепкие связи с Уэльсом.

Дама Агата из-за нездоровья не могла играть очень активную роль в управлении своего Детского дома, и его делами, очень компетентно, стал заниматься ее внук, Мэтью Причард, живущий неподалеку.

В ближайшей к ее девонширскому поместью «Гринуэй» деревне находится Голмтонская Начальная школа, к которой Дама Агата тоже проявляла интерес. Как владелица «Гринуэя» она автоматически входила в Общество попечителей этой Начальной школы, находящейся в ведомстве Англиканской Церкви, а значит пользующейся государственной поддержкой. И первое, что сделала Агата Кристи, так это подарила школе на Рождество 1940 года березу двадцати футов высотой, увитую серебристой фольгой, сама украсила дерево разноцветными фонариками и в день, когда их зажгли, всем детям преподнесла подарки.

Через несколько лет она учредила Литературную Премию Мэллоуэн для поощрения детского литературного творчества, и пресса назвала это «событием года». Дама Агата ежегодно предлагала темы сочинений, например, «Морское путешествие за границу», «Мое представление о героин-

ческой личности», «Если бы ты не был самим собой, то кем бы ты хотел быть?» и «Мой любимый библейский персонаж». Агата Кристи настоятельно требовала, чтобы дети, участвующие в конкурсе, писали бы сочинения под псевдонимами. Почему? Она объясняла это директору школы мистеру Феллингэму так: «Я знаю многих учеников по именам и не смогу быть совершенно беспристрастной, зная, кто что написал». Один год дети должны были участвовать в литературном состязании под псевдонимами, означающими названия английских графств: «Кент», «Сассекс», «Суррей» и так далее, в другой — под названиями животных, в третий — цветов. Непременные условия состязания: сочинение должно быть написано в школе, и тема объявлена состязающимся в самый последний момент.

Каждый год леди Мэллоуэн тратила три недели на то, чтобы прочесть все сочинения, и после этого в обществе сэра Аллена Лейна из книгоиздательства «Пингвин букс», отбирала победителей. О результатах сообщалось в школу, а в сопроводительном письме обосновывались причины выбора.

Прочитав сочинения на библейскую тему, леди Мэллоуэн однажды написала директору школы, что дети явно с интересом посещают уроки Закона Божия и читают Священное Писание. Она добавила также, что ее муж, сэр Макс Мэллоуэн, жалуется на ужасающе низкий уровень знания английского языка студентами университета и объясняет это тем, что детей не приучали с детства читать Библию.

Агата Кристи как-то сказала мистеру Феллингэму: «Я стараюсь не поддавать под обаяние лучшего слога и грамотности, а такая тенденция всегда нам свойственна. Если сочинения прочитать вслух, то можно составить о них совсем иное мнение. Поэтому я устраиваю им проверку: убираю их на две недели, чтобы пыл первых впечатлений остыл, и выбираю потом те, что застряли в памяти».

Однажды она предложила директору придумать заголовок для сочинения, и когда он предложил озаглавить его: «Карлик, Музыкальный инструмент и Кит», Агата Кристи пришла в восторг. «Сорок два варианта этого названия очень будут стимулировать только-только набухающие мозги учеников, — сказала она ему, — я сама едва удерживаюсь от того, чтобы не вступить в соревнование».

При этом директор добавил: «Очень интересно, однако, заметить, что представления леди Мэллоуэн о том, как надо сочинять, и относительно хорошего английского языка не всегда соответствовали тому, что об этом думали препода-

ватели. Мы же опытнее. Учитель знает, что с самого начала надо поощрять ребенка использовать свойственные ему или ей способности к описанию, воображение, в то время как писателя, привыкшего удовлетворять требования литературного рынка, более заботит, чтобы сочинение было написано логично, точным, ясным английским языком».

Если леди Мэллоуэн не могла приехать сама, она всегда посылала письмо, которое должны были вслух прочитать детям. В письме она очень старательно объясняла, на каких основаниях выбрала победителей, в нем всегда содержался положительный, полный здравого смысла совет.

Однажды в таком письме она заметила:

«В своем сочинении «Сассекс» очень забавно изобразила себя как лохнесское чудовище, и читать было интересно, но ей немного свойственна тенденция заслонять описание драматизированным содержанием».

Проявляя еще более реалистический подход, леди Мэллоуэн уговаривала своих многочисленных издателей посылать в дар школе для пополнения библиотеки увесистые пачки учебников и литературную классику и так поясняла свои действия директору: «Школа должна часто получать, и в большом количестве, новые книги, если вы хотите, чтобы дети выросли людьми, умеющими писать и читать, и получать от чтения удовольствие».

Она деятельно придумывала новые, необычные способы стимулирования интереса учеников к знанию. В 1971 году Агата Кристи пишет сэру Уильяму Коллинзу и предлагает, чтобы он послал в школу экземпляр прекрасно оформленной книги о птицах, которая только что издана, а затем обращается к директору школы с просьбой, чтобы он написал книгу в дар за усердие тем ученикам, которые приложили столько стараний и так волновались, участвуя в ежегодном литературном конкурсе. «Понимаете, у них должно появиться такое чувство, что и они причастны к дарению подобной книги библиотеке».

Только когда ей исполнилось восемьдесят пять лет, она известила ныне действующего директора школы, Годфри Хейвуда, о том, что наступило время ей передать свое место в Совете попечителей дочери, миссис Хикс.

В последние несколько лет миссис Хикс фактически воскресила старый обычай, восходящий еще ко времени основания школы в 1870 году. Каждый год всю школу, а это приблизительно 150 учеников, приглашали в «Грину-

эй» на чаепитие с малиной и деревенские танцы на лужайке. Еще в XX веке вплоть до двадцатых годов дети приезжали на такие увеселения в телегах, но потом подобные посещения прекратились.

Недавно в память о Даме Агате была открыта надстройка к школе. Ранее Агата Кристи и ее дочь миссис Хикс пожертвовали несколько сотен фунтов на новую классную комнату, которую открывала в 1971 году сама Дама Агата. Над тем классом и был построен новый, мемориальный, и его открыл в прошлом марте сэр Макс Мэллоуэн. Однако нельзя сказать, что все жители Голмтона обрадовались, когда потом получили письма с просьбой о пожертвованиях.

«Она определенно не проявляла такого большого интереса к повседневной жизни школы, чтобы оправдать открытие мемориала в ее честь, если субсидировать его открытие должен кто-то другой, — сказал мне мистер Феллингэм. — В округе много людей, которые считают, что ее семейство могло бы оказывать школе большую финансовую помощь, чем они сейчас делают. Поэтому, когда я слышу, как эту надстройку называют «Мемориальным классом Агаты Кристи», у меня язык не поворачивается повторить то же самое».

Все годы, что Агата Кристи и ее семья прожили в «Гринуэе», они неизменно посещали местную выставку цветов в Бриксэме и были для присутствующих такой же приманкой, как растения, удостоенные призов. Ежедневно, пока шла выставка, семейство Кристи приезжало сюда со своими цветами и овощами в ящиках, различным мелким садовым инвентарем, и вместе с другими участниками выставки они стояли около своих цветов, стараясь как можно лучше их аранжировать. Миссис Дж. Р. Хэтли, много лет прослужившая там секретарем, сохранила живые воспоминания об участии леди Мэллоуэн в ежегодных выставках.

«Она начала участвовать в пятидесятых годах и, должна сказать, мы тогда только начинали осваивать свободную композицию цветов на выставке. Это было самое начало стиля Констанс Спрай. Цветы размещались так, чтобы показать их с самой выгодной стороны, по контрасту с викторианской традицией, когда их ставили скопом, как придется. Я бы сказала, что Дама Агата уже не следовала слепо этой традиции, но и современный стиль ей не импонировал. Она привозила большую круглую вазу и размещала в ней водяные лилии в обычной плоской композиции, в то время как

теперь мы немного их приподнимаем и размещаем не по кругу, а в удлиненном пространстве».

Когда Даму Агату однажды спросили, почему ее сад всегда пользуется таким успехом на выставках, она сказала, что секрет успеха — ее садовник. И она была недалеко от истины, потому что у нее служил чрезвычайно способный человек.

Год за годом «Гринуэй» загребал почти все призы за лучшие овощи, а лук, который выращивал ее садовник Фрэнк Лэйвин, составлял предмет гордости всей округи. В конце концов, ежегодно получая премии победителя, мистер Лэйвин тактично уклонился от участия в выставках. В настоящее время он выращивает рассаду в хорошо оснащенной теплице, расположенной у самых ворот «Гринуэя».

Туристы, которые приедут сюда в надежде хоть мельком увидеть дом, где жила Агата Кристи, обязательно будут разочарованы, так как дома практически не видно из-за холмистого склона, сбегаящего к реке, густо поросшего огромными деревьями. Каждый год в Голмтон устремляется поток американских туристов, которые хотели бы узреть хоть что-нибудь, связанное с былым присутствием Агаты Кристи, но, как все остальное в своей личной жизни, она тщательно скрывала и то, что когда-то здесь жила, и мало кто из возносящих молитвы в приходской церкви Черстон Феррер знает, например, что великолепный цветной витраж в восточном приделе был приношением Агаты Кристи в 1957 году. До самой смерти она оставалась таким же загадочным существом для окрестных жителей, как для всего большого мира. Однако именно этого она и желала.

Глава 20

Хотя она умерла в своем беркширском доме и похоронена неподалеку от него, Дама Агата Кристи духовно принадлежит графству Девоншир, с его традиционной любовью к густым сливкам, с его желтым, как цветы купавки, сливочным маслом, пустынными отмелями, омываемыми морскими волнами, теплым западным ветром. Девоншир — не только одно из красивейших английских графств, но и родина некоторых прекрасных английских писателей.

Когда в 1892 году Агата Кристи была двухлетней девочкой, Оскар Уайльд, чтобы «отринуть плотские грехи», взяв жену и детей, бежал в Девоншир, где арендовал дом вдов-

ствующей леди Маунт-Темпл, возвышающийся на Баббакомбском утесе. Во время пребывания здесь Уайльд окончил пьесу «Женщина, не стоящая внимания», а также бывал на репетициях «Веера леди Уиндермир». Эта пьеса шла тогда на сцене Королевского театра в Торки. Уайльд с удовольствием пожил бы здесь и дольше, но зов Лондона и лорда Альфреда Дугласа оказался сильнее его желания противостоять греху.

Элизабет Баррет Браунинг, хотя и прикованная к постели, наслаждалась своим пребыванием в Торки, надеясь излечиться от хронической болезни, и создала здесь многие свои произведения. Несколько лет прожил на Уолден-хилл писатель-викторианец Булвер-Литтон, автор романа «Последние дни Помпеи».

Летом сюда постоянно приезжал Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд, который останавливался у своей богатой патронессы, миссис Бриджес-Уильямс, в доме на Маунт-Брэддон. Она завещала ему кругленькую сумму в 50 000 фунтов, которая в те времена была настоящим состоянием.

Ричард Блэкмор выбрал местом действия своего романтического романа «Лорна Дун» дикие пустоши девонширской деревни Эксмур. Поэт Роберт Херрик и Сара Кольридж, дочь Сэмюэля Кольриджа, тоже бывали и жили в Торки. На Бартон-роуд, где выросла Агата Кристи, проживало не меньше четырех литераторов. Это мисс Э. и Х. Ормерод, обосновавшиеся около церкви Сент-Мэри. Дом под названием «Грачевник» занимал сэр Джон Бэйли, а в «Башенках» обитала мисс Сибил Кихли, которая, возвратившись из Индии, написала очаровательные мемуары, ну и, разумеется, прямо за углом находился дом Идена Филпотса.

С 1907 по 1914 год в близлежащем Бриксэме практиковал врач Фрэнсис Бретт Юнг, он же автор романов «Мой брат Джонатан» и «Глубокое море». В более позднее время перед своим окончательным отъездом на юг Франции некоторое время провел близ Торки Пол Гэлликко. В Марлдоне жила Элизабет Гудж, написавшая на материале местного фольклора роман «Джентилан Хилл».

Шон О'Кейси переехал в Торки, став прихожанином церкви Сент-Мэри. Он хотел, чтобы его дети могли обучаться в либеральной школе «Дартингтон-холл». А в наши дни восхищается сельскими пейзажами Торбея Генри Уильямсон, создатель повести «Выдра по имени Тарка». Вблизи Шэлдона проводит в уединении свои дни Этель Мэннин, а в Пэйнтоне держит прелестный книжный магазин Кристо-

фер Милн, сын Алана Александра Милна, автора «Винни-Пуха», и прототип Кристофера Робина.

Когда Агате Кристи исполнился восемьдесят один год, Писательская ассоциация западных графств пригласила ее как почетного гостя на одну из своих конференций. Драматург Кристофер Фрай, президент Ассоциации, поблагодарил Агату Кристи за создание образа Эркюля Пуаро и восхитился ее удивительным творческим воображением, которое не иссякает так долго, что он не может припомнить автора, ей равного, ни среди романистов, ни среди драматургов: очевидно, именно она открыла тайну «вечного движения» в литературе.

Актер и литератор Роберт Спэйт предложил такой красноречивый тост: «За Даму Агату, которой многие годы принадлежит наша благодарность и которая ныне купается в наших поздравлениях. Мы гордимся тем, что можем коснуться кончиков ее лавров».

Существует два объяснения того факта, почему Даме Агате никогда не был присужден знак почета «Свобода Торки». Первое: против этого возражали здешние закоснелые реакционеры, которые все еще помнили неблагоприятные подробности крушения ее первого брака. Второе, более правдоподобное: Дама Агата сама к этому не стремилась. Она была слишком скромна и застенчива, чтобы добиваться для себя такой чести.

Мастер детективного жанра Эдмунд Гриспин, живший в холмистой местности за Тотнесом, был одним из немногих писателей, которых когда-либо приглашали в «Гринуэй». Они с Агатой Кристи были друзьями еще со времен Клуба детективов.

«Мои посещения «Гринуэя» всегда были очень приятны и проходили в весьма непринужденной обстановке. В доме была большая, обставленная массивной мебелью столовая, и никогда заранее нельзя было угадать, что тебя ожидает. Может быть, обед сервируют на серебряных блюдах георгианского сервиза, а-может, будешь есть с обычных тарелок, купленных в магазине Вулворта. Сегодня наливаешь себе портвейн из хрустального графина восемнадцатого века, а в следующий раз пьешь из дешевых стаканов, которые приглянулись Агате во время хождения по магазинам. В доме были дети и собаки и всегда велись интересные разговоры. И сэр Макс, и Агата отличались отменными манерами, и в их обществе любой человек чувствовал себя легко».

Эдмунд Гриспин считал, что Агата Кристи была гораздо более занимательным человеком, чем можно судить по ее произведениям. Он вспоминал также, как однажды отво-
зил ее в «Гринуэй» после обеда у него в доме и возник такой разговор:

— Итак, Эдмунд, за последнее время ты ничего не написал.

— Да, совершенно верно.

— Но почему же? — настойчиво поинтересовалась она.

— Не могу придумать сюжет.

— Вот уж никогда бы не подумала, что это может случиться именно с тобой.

Он рассказал также о другом эпизоде, когда они с Дамой Агатой случайно встретились на Паддингтонском вокзале, собираясь ближайшим поездом ехать в Девон. Она пожаловалась, что ничего не может купить в дорогу почитать. Он счел это просто невероятным, направился к книжному киоску и вытаращил глаза: перед ним лежали в несколько рядов все детективные романы Кристи, и только. Пришлось купить для нее «Поваренную книгу» Элизабет Дэвид.

Еще одно, пожалуй, самое забавное воспоминание Эдмунда Гриспина о Даме Агате Кристи: во время торжественного обеда в Клубе детективов в общем разговоре вдруг наступила пауза, и тут Дороти Л. Сойерс зычно выкрикнула:

— Меня уже тошнит от моего лорда Питера Уимси. А тебя, Агата, не тошнит от Пуаро?

— Да, тошнит, — ответила Агата Кристи, и обе снова погрузились в молчание.

Агата Кристи действительно часто жаловалась на то, как она устала от Пуаро, и по крайней мере однажды сказала даже, что «ненавидит» его. Однако он прочно «оседлал» ее, ведь, как она говорила, «ей не по средствам убить его раз и навсегда».

Другим писателям ее дом в Уоллингфорде казался даже интереснее, чем «Гринуэй», потому что кроме пятиста детективных и криминальных романов в бумажной обложке, принадлежавших перу других авторов, в доме находилось замечательное собрание интересных книг и справочников: Коран, китайские разговорники, исследовательские труды по персидскому искусству и обширная коллекция книг о ядах. В отдельных витринах, украшавших стены гостиной, стояли в несколько рядов ее собственные романы на всех языках мира.

В более молодые годы Агата Кристи наслаждалась лондонской жизнью, с ее театрами и концертами, но в преклонном возрасте она предпочитала проводить вечера дома, «читая детективы других писателей и слушая классическую музыку».

В июле 1971 года в Лондоне, отмечая выход в свет своего восьмидесят первого романа, «Немезида», Агата Кристи упала и сломала бедро, но таков уж был характер этой женщины, что она еще с неделю, страдая от адской боли,ковыляла вокруг, уверенная, что это просто сильный ушиб.

После ее возвращения в «Винтербрук» доктора установили, что это перелом, и ее срочно отправили в Наффилдский ортопедический центр, что в Сток Гэйбриел.

Хотя ногу починили, друзья Агаты Кристи утверждают, что именно этот несчастный случай больше, чем что-либо другое, повлиял на ухудшение ее здоровья и в конце концов привел к смерти.

В последние годы она полностью сохраняла ясность и силу ума и по-прежнему решала кроссворды в «Таймс», а также перечитывала кое-что из своих ранних произведений, но всем окружающим было очевидно, что жизнь Дамы Агаты близится к концу. Хотя она не страдала от какой-нибудь обезображивающей и разрушительной болезни, свойственной старости, из-за большого сердца и артрита она стала морально и физически очень уязвимой. Когда сэр Уильям Коллинз, который умер спустя всего несколько месяцев после Дамы Агаты, понял, что нового детективного романа к Рождеству 1975 года от нее ждать не приходится, он навестил Агату Кристи в надежде раздобыть одну из двух рукописей, созданных в начале Второй мировой войны, которые больше тридцати лет хранились в сейфе банка. В первом из тогда написанных романов, «Занавес», Эркюль Пуаро умирает.

Формально, благодаря акту дарения, роман принадлежал ее дочери Розалинде. Второй роман, «Спящее убийство», опубликованный в 1976 году, Агата Кристи подарила мужу, сэру Максу Мэллоуэну.

Сначала Дама Агата оставалась непреклонной: романы должны быть опубликованы только после ее смерти, но сэр Уильям мог быть потрясюще убедителен. Его главным козырем был такой довод: если она не убьет Эркюля Пуаро «собственноручно», то после ее смерти другие писатели постараются оставить его в живых и использовать созданный ею образ в корыстных интересах. Разве Кингсли Эмис

не поступил подобным образом, написав роман, в котором действует Джеймс Бонд — детище Иэна Флеминга?

Агата Кристи внимательно слушала, но все еще пребывала в нерешительности. Сэр Уильям продолжал столь же проникновенно убеждать: «А что вы скажете насчет другого нахала, посмевшего закончить незавершенный роман Джейн Остин «Сэндитон»?»

Его последний аргумент был таков: если не принять срочных мер, то скоро можно увидеть Эркую Пуаро в экстравагантных рекламах мороженого или «звездных» спагетти «Вестерн». Это было уж слишком! Дама Агата ледяным тоном все же дала разрешение опубликовать «Занавес».

У преданных поклонников Агаты Кристи роман вызвал странную грусть по прошлому, так как он снова переносил мосье Эркую Пуаро в «Стайлз». Теперь, однако, это был Пуаро искалеченный артритом, старый, морщинистый. Только волосы у него по-прежнему оставались черные (увы, благодаря краске) и напоминали о его прежней великолепной наружности. И разве мог любой преданный читатель, который по пятам следовал за галантным бельгийцем целых пятьдесят лет, не пролить слезу, когда Пуаро сообщает Гастингсу, что он убрал подальше от изголовья постели ампулы с цианистым калием, так как предпочитает вверить свою жизнь воле Господней?

Мисс Марпл досталась лучшая участь, чем Пуаро. В своем последнем деле (роман «Спящее убийство», Коллинз; «Додд и Мид», американское издание, 1976) любимая героиня Агаты Кристи, как всегда, проявляет сообразительность, мудрость и проницательность, она такая же деятельная участница событий в деревушке Сент-Мэри-Мид, что и раньше.

На Рождество 1975-го вся семья последний раз собралась в «Винтербруке», Уоллингфорд. Для Дамы Агаты это было счастливое время, ведь она, как весьма немногие женщины, досконально знала и понимала, как сохранить единство семьи. За несколько часов до сочельника Кристи настояла, чтобы ее перенесли вниз, в гостиную и положили на софу, где она и причастилась Святых Тайн в последний раз.

Дама Агата была женщиной глубокорелигиозной. Всю жизнь она черпала силы и утешение в молитве. На ночном столике у ее кровати всегда лежал экземпляр «Подражания Христу» св. Фомы Кемпийского. (То же самое можно было сказать и о ее матери.) На титульном листе, под своим име-

нем «Агата Мэллоуэн», Кристи начертала цитату из послания апостола Павла Римлянам:

«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»¹.

12 января жизнь Дамы Агаты Кристи Мэллоуэн угасла. Она умерла тихо в тот самый момент, когда муж после ленча повез ее в инвалидном кресле в гостиную. Их союз оказался необычайно крепок, так как между ними не было единоборства воль... Они уважали неизбежную потребность партнера в духовной независимости и право на свою особую, личностную, жизнь. Они работали и вместе, и порознь и провели много хороших и приятных часов в обществе друг друга.

А о своей любви Агата Кристи поведала всему миру в стихотворении, озаглавленном: «Посвящается М.Э.Л.М. В разлуке», впервые напечатанном в сборнике «Дорога грез» (1924) и опубликованном вторично в 1973 году книгоиздательской фирмой «Коллинз и Додд и Мид».

Через двадцать месяцев после смерти жены сэр Макс Мэллоуэн вступил в брак с их общим другом, мисс Барбарой Паркер, тоже участницей археологических экспедиций. Агата Кристи всегда желала, чтобы ее муж, если она умрет раньше, женился бы снова.

Вечером того дня, когда умерла Дама Агата, лондонский театральный мир принес свою, особую, дань уважения ее памяти. Эта честь оказывается только великим людям, которые посвятили свой талант росту и процветанию английского театра. По всему Вест-Энду между десятью и одиннадцатью часами вечера все театры пригласили огни в память об этой исключительной женщине, хотя одновременно на сценах актеры продолжали играть — Агата Кристи сама бы этого пожелала.

Спустя четыре месяца после смерти Агаты Кристи в церкви Св. Мартина в Лужках, которая принадлежит актерской гильдии и расположена рядом с Трафальгарской площадью, почтительная память Дамы Агаты собрались люди, так или иначе имевшие отношение к ее жизни и деятельности.

---

¹ Послание к римлянам святого апостола Павла 8, 30

Это были актеры и актрисы, игравшие в фильмах, снятых по ее романам и в ее пьесах, ученые из оксфордских кругов сэра Макса Мэллоуэна, друзья супругов Мэллоуэн, участвовавшие вместе с ними в археологических экспедициях, хрупкие старые леди из «Харрисоновых домов», наряду с членами Клуба детективов и Ассоциации авторов криминальных романов. Церковь была набита битком.

Торжественно и тихо прозвучал любимый 23-й псалом Дамы Агаты: «Господь, Мой Пастырь». Сэр Уильям Коллинз, который знал Даму Агату пятьдесят лет, сказал речь. Он говорил, в частности, о ее скромности, которую не могла исказить мирская слава.

«За свершения в избранном ею литературном жанре мы должны присвоить ей титул гения, хотя сама она не лелеяла никаких затаенных литературных претензий. Однако ей в высшей степени было присуще одно из качеств истинного литературного величия — искусство повествовать».

Когда однажды Агату Кристи спросили, хотела бы она, чтобы ее вспоминали через сто лет и за что, она ответила: «Ну, мне бы хотелось, чтобы обо мне говорили как о добротном авторе детективных романов, заставляющих повелеваться».

Несмотря на располагающую внешность добросердечной хозяйки дома и старомодные принципы поведения, личная жизнь Дамы Агаты Кристи не всегда отличалась безмятежностью. Был в этой жизни период, когда ее терзали страсть, гнев, тревоги. Но в основе своей ее характер никогда не менялся, а он представлял собой сложное сочетание упорства, проницательности, чувствительности, подозрительности, умения трудиться и фанатического стремления держать в абсолютной неприкосновенности свою частную жизнь.

Я закончу повествование об этой жизни изречением, которое мне кажется наиболее для этого подходящим и которое любила повторять сама Дама Агата: «Жизнь — это настоящее пламя, это незримое солнце, которое пылает в каждом из нас».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Жизнь Дамы Агаты»

Биография Агаты Кристи, написанная Дженет Морган, оканчивается фразой «а то, чего нет в «Автобиографии», читатели найдут в ее произведениях». В действительности сама эта книга является собой превосходное дополнение к «Автобиографии». Предаясь воспоминаниям, Агата Кристи практически всегда игнорировала хронологию, «встречала и расставалась» с другими персонажами из своей жизни по своей прихоти (даже с Максом мы знакомимся только как с человеком, а не с ее мужем); увлекательно передавая свое мировосприятие, она часто игнорировала внешнюю сторону события и старалась тактично обходить трудности. Работа Дженет Морган восполняет все эти пробелы.

Литературоведческая и биографическая библиотека Агаты Кристи начала составляться еще при жизни дамы Агаты, в 1967 году, но до биографии Морган не появилось ни одной достаточно серьезной книги, бытописующей жизнь писательницы: авторы ограничивались анализом литературного наследия и работами в жанре популярной в Европе «энциклопедии». «Автобиография» (учитывая огромную популярность Кристи) довольно долго оставалась единственным источником информации.

Получив доступ к семейным архивам семьи Миллеров/Кристи/Мэллоуэн, мисс Морган постаралась восполнить все пробелы. Она приводит генеалогическое дерево писательницы, снабжает Макса Мэллоуэна дополнительными биографическими данными («Мемуары» Мэллоуэна вышли в 1977 году, одновременно с «Автобиографией»), рисует более обстоятельные портреты всех членов семьи и домочадцев.

«Жизнеописание достопочтимой дамы Агаты Кристи», возможно, даже была задумана как своего рода комментарий к «Автобиографии». При этом мисс Морган более откровенно поднимает семейные, финансовые и деловые вопросы, трактуя их достаточно деликатно (и даже попрекая, например, Гвен Робинс за домыслы в знаменитом эпизоде исчезновения). Она старается цитировать как можно больше личных документов, а круг чтения и занятия маленькой Агаты музыкой описываются с такими под-

робностями, какие могут быть интересны главным образом специалистам. (Известна ли русскому читателю «Сильвия и Бруно» Кэрролла так же хорошо, как и «Алиса»?)

Мягко высвечиваются важные в жизни дамы Агаты обстоятельства, такие как ее стремление к комфорту, любовь к хорошей еде, интерес и увлечение покупкой домов, а также роль страшных снов, страх увидеть за маской повседневного человека его звериную сущность, отраженный во многих романах, и, соответственно, внимательный, вдумчивый подход к жизни.

Перевод Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Agata»

«Автобиография» — одна из самых увлекательных книг, вышедших из-под пера дамы Агаты Кристи, — не содержит абсолютно никаких упоминаний о ее загадочном исчезновении в декабре 1926 года. История, которая в свое время была всеанглийской сенсацией и до сих пор не получила удовлетворительного объяснения, втиснута в «Автобиографии» в крошечный абзац в конце пятой главы седьмой части. «Итак, после болезни пришли печаль, отчаяние и сердечная боль. На этом нет необходимости задерживаться». Таков был окончательный приговор писательницы, продиктованный ее сдержанным характером, не терпящим излишней шумихи и сенсационности (в чем ее и обвиняли). Но к тому моменту, когда писались эти строки, сама дама Агата как минимум дважды излила свою душевную боль на страницах своих книг. Автобиографический «Неоконченный портрет» описывает едва завуалированную ее собственную историю. В финале случайный прохожий спасает женщину от самоубийства, но нет никаких доказательств того, что так произошло в действительности. «Пять поросят» представляют собой явно самостоятельный сюжет, но страдания жены в связи с изменой мужа, произошедшей 16 лет назад, с математической точностью приводят нас в тот же 1926 год, что не могло быть случайностью. В «Поросятах» муж любит жену, несмотря на постоянные измены, что противоречит действительности, так что искать ключи к давней истории в этом романе скорее всего бессмысленно. Официальная версия амнезии всегда оставляла ощущение недосказанности. С другой стороны исследования Ричарда Колдера для «Нью стейтсмен» показали, что в огромном резонансе, вызванном исчезновением, повинны неадекватные действия полиции и прессы. (В тексте книги поддерживается и эта версия, как поведением суперинтенданта Кенуорда, так и «общественным резонансом»).

Так или иначе, последнего слова в этой истории сказано не было, и неудивительно, что многие литературоведы, интересующиеся жизнью и творчеством Агаты Кристи, пристально изучали

обстоятельства ее исчезновения. Только в 90-х годах вышли две книги, полностью посвященные этому эпизоду.

Роман Кэтлин Тинан «Агата» (1978) явился одной из первых работ, возникших на гребне этого интереса. Он создан с тщательным изучением подробностей исчезновения и являет собой, по выражению англичан, настоящий «a period piece». (Привлечено даже нашумевшее американское преступление того времени — дело Леополда и Леба.) Обилие сведений о Харрогейте, описание его окрестностей, — все это воссоздает атмосферу того времени, но вместе с тем пахнет и журналистской чрезмерной дотошностью (его автор начинала свою карьеру как журналистка). Сделана тщательная попытка создать как можно более правдивый образ самой Агаты, причем автор демонстрирует хорошее знание ее произведений. Так, сцена с псом под колесами автомобиля была взята из рассказа «Человек с моря», а идея о том, что имя, которое все считают женским, было дано мальчику, легло в основу романа «Миссис МакГинти с жизнью рассталась».

Следует отметить и некоторые неточности в хронике. В целях краткого ознакомления читателя с историей Агаты Кристи в уста сэра Уильяма Коллинза вложена речь, которая вряд ли могла быть произнесена в присутствии писательницы. Сцена публичного исполнения Сен-Санса является наиболее нереальной в романе. Для Агаты Кристи, неизменно писавшей о своих «мучениях» при публичных мероприятиях и не решавшейся даже назваться швейцару, отказывающему ей в доступе в помещение на своем же чествовании, подобная легкость была недосяжима. Видимо, эти отступления были продиктованы необходимостью сюжетных коллизий.

Необходимо подчеркнуть, что произведению Кэтлин Тинан присуща сенсационность. Оно опирается на популярное мнение об Агате Кристи как о неутомимой выдумщице, человеке, не могущем страдать без того, чтобы не выкинуть какого-либо фортеля. Романтическая сторона приключения описана в весьма викторианском духе, несмотря на героя-американца. «Агата» являет собой довольно изобретательный детективный роман, но вряд ли может претендовать на собственно биографическое исследование.

Спустя два года по нему был снят довольно популярный кинофильм с участием Ванессы Редгрейв (Агата), Тимоти Долтона (полковник Кристи) и Дастина Хоффмана (Стэнтон).

Перевод Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Неизвестная Кристи»

Всю свою жизнь Агата Кристи отличалась необычайной стеснительностью. Она не могла и не хотела выступать перед публикой, не терпела бесполезных и длинных разговоров, не афишировала обстоятельства своей личной жизни.

Но в дополнение к этому присутствовала еще одна черта, которую дама Агата обнаружила в себе в весьма юном возрасте, заявив своим родителям: «Не люблю делиться информацией». Впоследствии она охарактеризовала это свое качество менее категорично. «В основном я продолжала держать все свое при себе. Мне не кажется, что я такой уж скрытный человек. Просто я считала, что большинство вещей абсолютно не важны: зачем тогда говорить о них? Или я бывала слишком поглощена придумыванием приключений и не обращала внимания на происходящие вокруг пустяки».

Следствие этого и оказывается, что практически любой серьезный исследователь жизни и творчества Агаты Кристи находил массу нетронутого материала, доселе неизвестного широкому читателю. И кто знает, сколько таких «пустяков» еще должно занять свое место в общей картине жизни писательницы?

Книга Гвен Роббинс добавляет много интересных сведений, почерпнутых благодаря любовному вниманию к жизни писательницы и проведенным ею довольно обширным исследованиям. Даже сведения о творческом процессе, уже известные заинтересованным читателям, здесь удачно скомпилированы и снабжены цитатами.

Денежная же сторона «Империи Кристи», действительно, была много лет скрыта от людского глаза (деньги — неприличная тема обсуждения в аристократических кругах), и мы значительно позднее узнали о трудностях с получением денег из Америки, о которых нам поведала Дженет Морган в своей книге. Гвен Роббинс раскрывает успешную сторону финансовой деятельности, добавляя факты активной благотворительной поддержки, о которой сама миссис Кристи ни словом не обмолвилась в «Автобиографии»!

Еще один вопрос, наконец получивший должное освещение, — это литературная жизнь Девоншира. Агата Кристи упоминала, что «в мои молодые годы у нас дома бывало много интересных людей, и какая жалость, что у меня не сохранилось никаких личных воспоминаний о них!» Но в «Автобиографии» мало упоминаний о литературной жизни того времени, и мы снова вынуждены полагаться на исследования биографов.

Читать опусы о жизни Агаты Кристи — особое удовольствие, так как все, что мы узнаем о ней, только утверждает нас в мысли, что дама Агата была не только одаренным художником, но и прекрасным человеком. Она выразилась о себе, как всегда, с изрядной долей скромности, сказав: «Ну, мне бы хотелось, чтобы обо мне говорили как о добротном авторе детективных романов, заставляющих поволноваться». Теперь же мы можем с уверенностью заявить, что она остается в истории как яркая личность, достойная самой высшей оценки.

Перевод М. Тугушевой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

А. Астапенков

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ДАМЫ АГАТЫ. <i>Биография</i>	5
АГАТА. <i>Роман</i>	349
НЕИЗВЕСТНАЯ КРИСТИ. <i>Главы из книги</i>	527
Библиографическая справка	571

Кристи А.
К-82 Собрание сочинений. Т. 27, кн. 2.
Жизнь Дамы Агаты: Биография; Агата: Роман; Неизвестная Кристи: Главы из книги. Пер. с англ./ Сост. А.Титов. — М.: Артикул-принт, 2002. — 576 с.

ISBN 5-93776-026-3 (т. 27/2)

В двадцать седьмой том книгу вторую Собрания сочинений вошли биография: «Жизнь Дамы Агаты», роман «Агата», отдельные главы книги «Неизвестная Кристи».

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцать седьмой Книга 2

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Титова

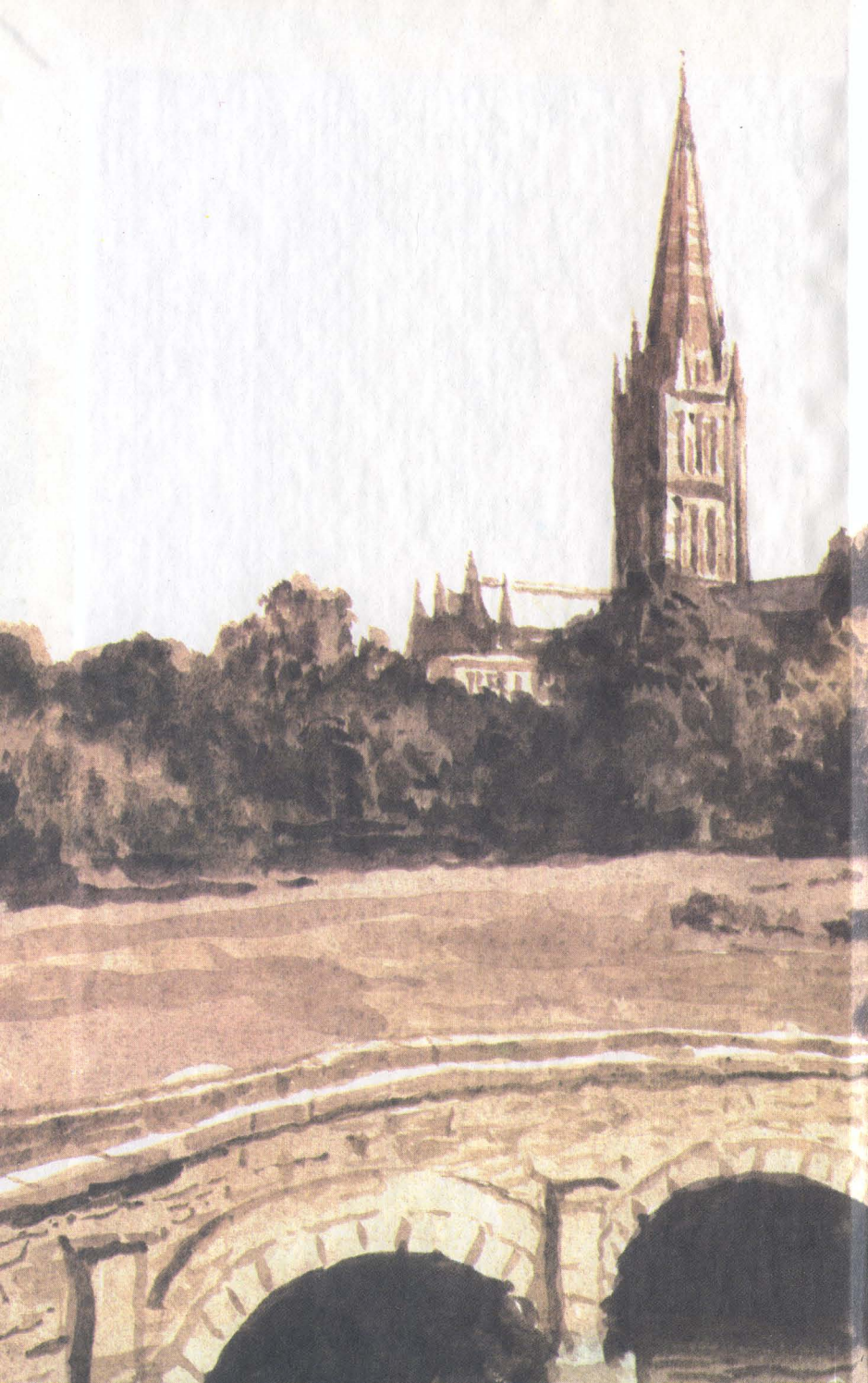
Выпускающий редактор *Г. Шафигуллина*
Корректор *Л. Шмелева*
Компьютерная верстка *Н. Матякина*

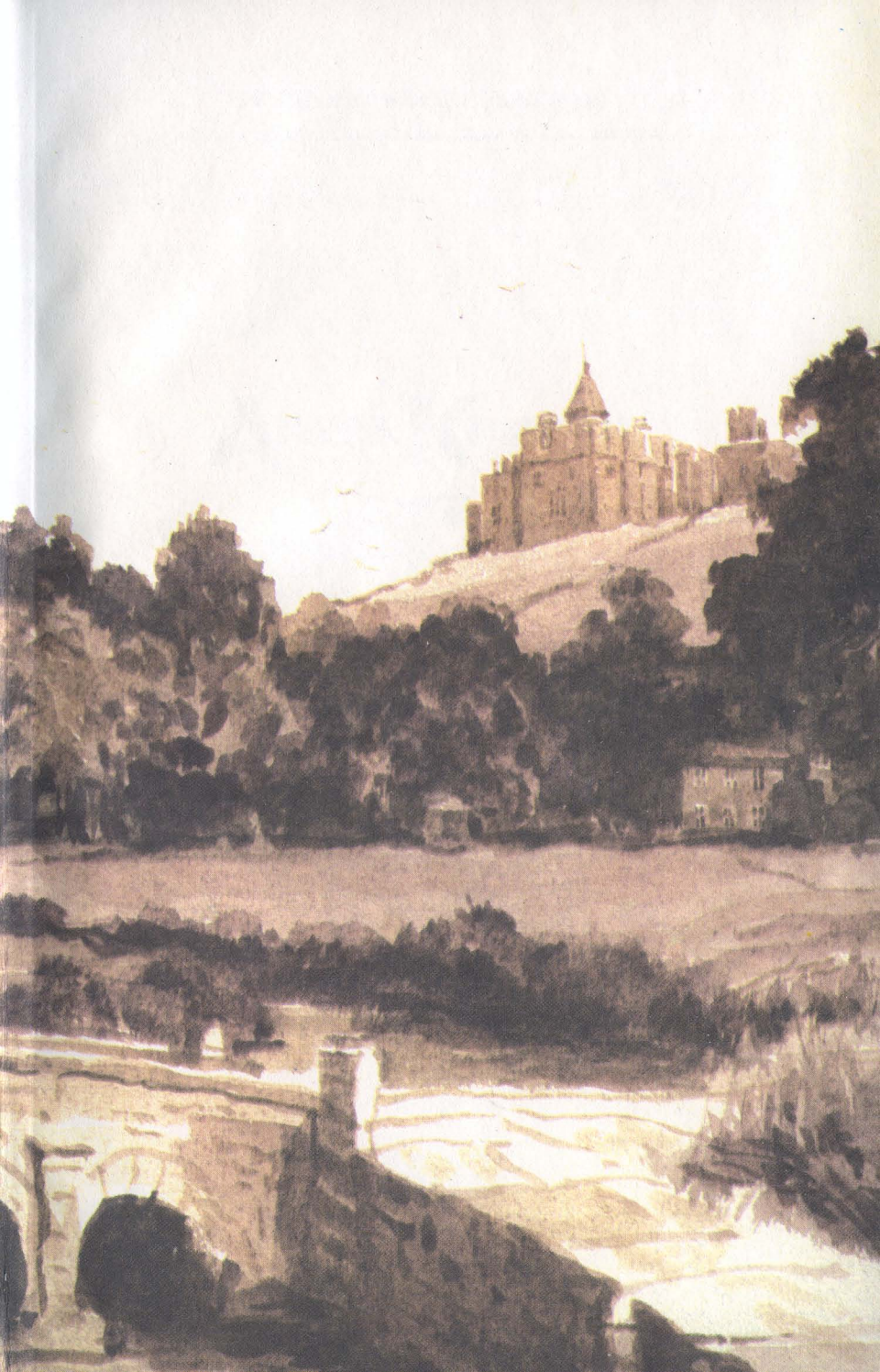
ИД № 00803 от 20.01.2000
Подписано в печать 12.11.2002. Формат 84×108^{1/16}. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 44,8. Уч.-изд. л. 43,9.
Тираж 18 000 экз. (1-й завод 1—8 000). Заказ № 4144.

Издательство «Артикул-принт»
127018, Москва, Сушевский вал, 49

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникации.
127018, Москва, Сушевский вал, 49

ISBN 5-93776-026-3

9 785937 760265 >